

ЕВГЕНИЙ ВОЛЬФ

КРАСНО-ЗЕЛЕНОЕ СЕРДЦЕ

Масштабная сага о поколениях

КРАСНО-
ЗЕЛЕНОЕ
СЕРДЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Вольф

Красно-зеленое сердце

<https://litres.ru/73923549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бетон. Фаеры. Сорванные в кровь глотки. И бесконечная преданность своим цветам.

Сага о четырех поколениях семьи, чьи судьбы намертво связаны с московским «Локомотивом». Машинист Иван Токарев видит в Лужниках, как его рабочая команда берет Кубок СССР. Его сын Лешка надевает связанную матерью первую красно-зеленую розетку и проливает кровь за команду на трибунах Черкизово. Внук Иван ведет Южную трибуну через золотые годы, войну с «пиджаками» и бойкоты. А правнук принимает эстафету в эпоху запретов Fan ID.

Уличные драки, электрички первой лиги, слезы чемпионств, дружба, которую испытывают должностью, и цена, которую за эту любовь платят близкие. Эпохи сменяются, а серебряные часы машиниста продолжают свой ход.

Это книга о братстве, которое система не смогла сломать. Клуб живет в людях, и их красно-зеленое сердце невозможно остановить.

Тик-так. Их время обязательно придет.

Содержание

От автора	4
Пролог. Секунды до вечности	5
Часть I. Железный ход	10
Глава 1. Тяжелый пар	10
Глава 2. Голос из репродуктора	20
Глава 3. Новая жизнь	29
Глава 4. Заводская закалка	40
Глава 5. Сетка турнира	49
Глава 6. Билет в Лужники	59
Глава 7. Красная полоса	70
Глава 8. Хрусталь и сталь	79
Глава 9. Уходящий дым	90
Глава 10. Эстафета	98
Часть II. Пятое колесо	113
Глава 1. Первая лига, первая кровь	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Евгений Вольф

Красно-зеленое сердце

От автора

Это художественное произведение. Семья Токаревых, их друзья и близкие, а также события их жизни вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны.

В книге упоминаются реальные футболисты, тренеры, руководители клуба и настоящие матчи. Счет и ход игр переданы по открытым источникам того времени. Некоторые детали, эпизоды и диалоги придуманы для сюжета.

Оценки, которые герои дают реальным людям и их решениям, принадлежат героям. Это взгляд болельщиков с трибуны, а не утверждения автора о фактах.

Пролог. Секунды до вечности

5 мая 2018 года. Москва.

Пятое мая началось для Вани задолго до рассвета. Строго говоря, он так и не уснул. Всю ночь по потолку спальни скользили желтые отсветы фонарей, а в голове стучала одна и та же мысль: «Только не сегодня. Только не оступитесь сегодня».

Четырнадцать лет. Целая жизнь между двумя золотыми медалями. За эти годы Ваня успел поседеть на висках, вырастить сына и простоять на Южной трибуне столько матчей, что давно сбился со счета. Неизменным оставалось одно: его место на секторе в Черкизово.

Он сел на кровати и потер лицо руками. За окном занимался серый, прохладный рассвет. На тумбочке тускло блеснул металл. Ваня взял в ладонь тяжелый кругляш — дедовские карманные часы с паровозом на крышке. Гравировка почти стерлась от прикосновений, но механизм за шестьдесят с лишним лет не отстал ни на минуту. Эти часы отсчитывали время на деревянных лавках «Сталинца» еще при дедде, они помнили промерзшие электрички первой лиги и тот ноябрьский вечер, когда отец вложил их Ване в руку после золотого матча с ЦСКА.

Щелчок крышки прозвучал в утренней тишине как выстрел. Половина седьмого. Пора.

Ритуал не менялся годами. Контрастный душ. Крепкий кофе. Джинсы, удобные кроссовки — на вышке придется простоять все девяносто минут. Из соседней комнаты уже вышел Лешка, четырнадцатилетний, вытянувшийся за зиму почти до отцовского роста. На шее у сына был старый, выцветший шарф плотной вязки. Сорок с лишним лет назад его связала Ваниному отцу бабушка Мария, потом шарф перешел к Ване, а прошлой осенью, в замерзшем Хабаровске, Ваня завязал его на шее сына.

— Деда заберем? — спросил Лешка.

— Он сам поедет. Сказал, на такси. Врачам, конечно, ни слова.

Лешка хмыкнул. Про деда все знали: если тот что-то решил, отговаривать бесполезно.

Метро гудело привычно, но чем ближе поезд подбирался к «Черкизовской», тем сильнее менялся вагон. Обычные пассажиры жались к дверям, а пространство заполняли красно-зеленые шарфы, кепки с литерой «Л», куртки с нашивками фанатских групп. Кричалки пока не заряжали, но в воздухе висело электричество. Люди переглядывались коротко и понимающе.

На площади перед стадионом выстроились цепи конной полиции. Лошади переступали копытами и фыркали паром. У черного паровоза на постаменте, где по традиции встречаются красно-зеленые, яблоку негде было упасть. Пахло жареными сосисками, пролитым пивом и чуть уловимо — га-

рю от чьего-то фаера.

Отца Ваня увидел издалека. Высокий, сутулый, в старом пальто, несмотря на май, Алексей Токарев стоял у паровоза и смотрел на его колеса так, будто разговаривал с ними. Лицо у него было серое, губы синеватые. Шестьдесят один год, а выглядел он на все семьдесят пять: сердце доедало его последние два года.

— Батя, ты как?

— Нормально. Валидол в кармане, внук на месте, сын на месте. Что еще надо?

Ваня помолчал, потом достал часы и вложил отцу в ладонь.

— Подержи сегодня у себя.

Отец посмотрел на часы, потом на сына. Хотел что-то сказать, но только кивнул и спрятал их во внутренний карман, к сердцу.

— Иди, командир. Тебя там ждут.

Отец пошел на Западную трибуну, на свое тихое место под крышей. Ваня с Лешкой — на Юг.

Южная трибуна встретила их гулом. До матча оставалось сорок минут, команды только вышли на разминку, а сектор уже жил. Парни из актива разворачивали внизу гигантское полотно баннера. Ваня поднялся по железным ступеням на вышку и взял мегафон. Лешка встал рядом. Отсюда, сверху, было видно все: поле, тысячи людей под ногами и, далеко напротив, маленькую фигуру отца на Западной.

Прозвучал стартовый свисток, и следующие полтора часа слились в один сплошной пульс.

«Зенит» играл жестко. Питерцам нужны были очки, Манчини их накрутил, и поле превратилось в поле боя: стыки, подкаты, желтые карточки. Мяч метался от одной штрафной к другой, но в ворота упорно не шел.

Юг гнал своих вперед, не жалея связок. Ваня заряжал, сектор отвечал, барабан бил в такт. Нули на табло горели предупреждением. Ничья переносила чемпионство на последний тур, на выезд в Тулу, и никто не хотел этого переноса. Все хотели поставить точку здесь, дома, при своих.

Шла восемьдесят седьмая минута. Время, когда ноги у игроков становятся свинцовыми, а легкие горят.

Влад Игнатьев, правый защитник, отпахавший матч на пределе, нашел силы еще на один рывок. Протащил мяч по флангу, ушел от защитника и поднял голову.

Стадион задержал дыхание.

Навес. Мяч летит по крутой дуге в центр штрафной «Зенита». Там, среди защитников в белом, первым к мячу успевает Эдер — португалец, которого месяцами критиковали и списывали со счетов. Он замыкает передачу в падении.

Мяч врывается в сетку.

На долю секунды повисает тишина. Ване кажется, что он слышит, как через весь стадион, у отца в кармане, тикают часы.

А потом мир взрывается.

Рев сотряс бетонные перекрытия Черкизово. В нем было все сразу: боль, надежда и четырнадцать лет ожидания. Лешка повис у отца на шее и орал ему прямо в ухо. Над нижним ярусом взлетели шарфы, стаканы, чьи-то куртки. Внизу кто-то запалил фаер, и по трибуне пополз едкий красный дым.

— Го-о-ол! — кричал Ваня в красное марево и не замечал, что сорвал голос.

Через несколько минут свисток потонул в общем безумии. Чемпионы. «Локомотив» — чемпион. Юрий Павлович Сёмин плакал у бровки, обнимая игроков.

Ваня стоял на вышке и смотрел через поле на Западную трибуну, туда, где сидел отец. Сквозь дым он не мог разглядеть его лица. Ему вдруг почудился другой запах — густой дух дешевого табака и мазута. Барабан на секторе на мгновение сменился тяжелым стуком колес настоящего паровоза.

Чтобы понять вес этой победы, нужно было отмотать время назад. К тем дням, когда эти часы еще блестели заводской полировкой. Когда на груди футболистов была белая полоса на красном фоне, а трибуны пахли махоркой и мазью для кожаных мячей.

Туда, где все начиналось. В эпоху гудков, кепок и хрустального Кубка. В эпоху его деда, Ивана.

Часть I. Железный ход

Глава 1. Тяжелый пар

1954 год. Москва.

Топка дышала яростным жаром. Помощник машиниста, вихрастый Сашка, кидал уголь ритмично, как заведенный, и мышцы на его худой спине ходили под мокрой рубахой. Каждая лопата со звоном билась о стальной край и отправляла в пламя новую порцию черного золота.

Иван стоял у реверса и не отрывал глаз от путей. В будке магистрального паровоза серии «Л», знаменитой «Лебедянки», названной в честь конструктора Лебедянского, стоял густой запах нагретого металла, машинного масла и угольной пыли. Этот запах въедался в кожу намертво, забивался под ногти черной каймой, которую не брало никакое мыло, и становился визитной карточкой человека, выбравшего чужую, но гордую профессию.

Иван выверенным движением потянул рычаг, сбрасывая ход. Многотонная машина послушно вздохнула паром, словно уставший живой зверь.

За узким окном проносились пригороды Москвы. Весна выдалась стылой. По откосам, в тени деревьев, лежал грязный от копоти снег, но в воздухе, даже сквозь дым из трубы,

уже чувствовалась острая свежесть середины апреля. Страна, еще не оправившаяся от войны, понемногу оттаивала и строилась.

— Принимай семафор, Сашок! — крикнул Иван, перебивая грохот колес на стыках.

Сашка высунулся в окно, щурясь от ветра:

— Зеленый, дядь Вань! Путь свободен!

Иван кивнул. Зеленый. Разрешающий. Самый правильный цвет на железной дороге. Он добавил ходу и почувствовал под ногами мощную, успокаивающую дрожь машины. Тяжелый рейс из Рязани с составом станков и леса завершался на подходе к площади трех вокзалов.

Через два часа, когда паровоз загнали в депо Москва-Пассажирская-Казанская, а топку начали чистить шлаковщики, Иван наконец смог выдохнуть. Он спустился по металлическим ступеням на промасленную землю. Ноги гудели, плечи ныли. Ему было чуть за тридцать, но война, где он водил эшелоны под бомбежками, добавила в его русые волосы раннюю седину, а вокруг серых глаз прорезала глубокие морщины.

В раздевалке стоял пар и резкий запах земляничного мыла. Десятки работяг смывали копоть под ледяной водой в жестяных корытах. Здесь не было чинов: все были равны перед усталостью и жесткой мочалкой.

— Слыхал, Вань? — окликнул его из угла слесарь Михалыч, кряжистый мужик с пудовыми кулаками, растирая спи-

ну вафельным полотенцем. — Завтра наши с динамовцами рубятся. На «Сталинце».

Иван замер с куском мыла в руке. Вода промывала светлые дорожки на грязных щеках. Слово «наши» в депо имело только одно значение.

— Во сколько?

— В три пополудни. Говорят, Бесков у них в основе выйдет. Тяжело будет. Динамовцы — волки сытые, ведомство у них сам понимаешь какое. А наши простые работяги, как мы с тобой. Зарплаты не те, харчи не те.

— Ничего, — Иван с остервенением начал тереть плечи. — Наши паровозы тоже не из фанеры. Бубукин им покажет, где раки зимуют. Он парень заводной. Да и Ворошилов в форме, удар у него — пушка.

Для Ивана, как и для тысяч железнодорожников, «Локомотив» был больше чем командой, гоняющей мяч по выходным. За ЦДСА болели военные, за «Динамо» — милиция и чекисты, за «Спартак» — торговая кооперация и столичная интеллигенция. «Локомотив» оставался командой чумазого рабочего класса, людей, которые своими руками крутили гайки, махали кувалдами на путях и поднимали страну из руин.

Они не хватали звезд с неба и часто проигрывали грандам, но бились на поле так же, как работали, — до кровавых мозолей. Когда на поле выходили парни в красных футболках с белой полосой, каждый машинист в депо чувствовал:

это играют за него. За его мозоли, за его смену, за его право на радость. До красно-зеленых цветов клубу оставалось еще много лет.

Одевшись в поношенную гражданскую одежду — суконные брюки, пиджак с чужого плеча и серую кепку-восемиклинку, — Иван вышел из проходной.

Вечерняя Москва встречала его звонками трамваев, шуршанием шин редких «Побед» и тусклым светом фонарей. Домой, в продуваемую сквозняками комнату в коммуналке на Бауманской, он не спешил. У него было давно задуманное дело.

Иван свернул в неприметный переулок у Комсомольской площади и толкнул обитую дерматином дверь часовой мастерской. Звякнул медный колокольчик. Внутри пахло часовым маслом, пылью и крепким чаем. За прилавком, в луче настольной лампы, сидел старый Соломон Маркович с лупой в правом глазу и священнодействовал над разобранным будильником.

— А, Ванечка, — проскрипел часовщик, не поднимая головы. — Пришел. Я уж думал, передумал ты. Запил, может, или на облигации спустил.

— Я свое слово держу, Соломон Маркович.

Иван выложил на стеклянную витрину свернутые в трубочку купюры, перетянутые аптечной резинкой. Почти половина машинистской зарплаты. Он копил на это несколько месяцев, отказывая себе в хорошем табаке и лишней кружке

пива после смены.

Часовщик отложил пинцет, снял лупу, долго гремел ключами в нижнем ящике и наконец достал коробочку, обитую потемневшим синим бархатом.

— Держи. Как договаривались. Златоустовский завод, спецзаказ для начальствующего состава наркомата путей сообщения. Довоенной закладки механизм. Переживут и меня, и тебя, Ванечка.

Иван открыл коробочку. На выцветшем ложементе лежали тяжелые серебряные карманные часы. На откидной крышке был выгравирован летящий паровоз на фоне восходящего солнца. Иван бережно взял их двумя пальцами. Металл охлаждал ладонь, а вес давал странное чувство основательности.

Он нажал на рифленую кнопку. Крышка с благородным щелчком откинулась и открыла белый эмалевый циферблат с черными арабскими цифрами и воронеными стрелками.

Иван поднес часы к уху и закрыл глаза. Тик-так. Тик-так. Глухой, мерный, уверенный ритм. Как стук колес на стыках ровного пути. Как биение неутомимого железного сердца.

— Хороший ход, — тихо сказал он.

— Идеальный, — кивнул Соломон Маркович, пряча деньги в кассу. — Береги их. Время — единственное, что у нас по-настоящему есть. И единственное, что нельзя починить, если сломается.

На улице Иван остановился под фонарем, смотрел на

циферблат и думал о завтрашнем дне. Воскресенье. Он проснется без гудка, побреется опасной бритвой, наденет выходной костюм, купит свежий «Гудок» и кулек семечек у бабки на углу и поедет на стадион.

Он спрятал часы во внутренний карман, к левой стороне груди. Завтра они будут отсчитывать время до общей победы.

Воскресенье выдалось ясным, словно природа решила сделать подарок измученным зимой москвичам. Солнце заливало деревянные трибуны «Сталинца» в Черкизово. Здесь, на месте, где спустя полвека вырастет современная арена, пока ютился скромный, уютный стадион. Его окружали насыпные валы с березами, и если не хватало билетов, пацанва гроздьями висела на деревьях.

Иван приехал за полтора часа до свистка. На нем был выходной темно-серый двубортный пиджак, выглаженные до острых стрелок брюки и белая рубашка. Крахмальный воротник натирал шею, но Иван терпел: футбол не терпел неряшливости. Время от времени он прикладывал ладонь к груди и чувствовал сквозь сукно ровное тиканье.

От трамвайных остановок к деревянным турникетам стекались реки людей. Ярких шарфов и раскрашенных лиц тогда еще не было: фанатская культура родится гораздо позже. Но пристрастия читались и так. В толпе мелькали милицмейские шинели, фуражки и кожаные плащи болельщиков «Динамо». Большинство же составлял рабочий люд в кепках, по-

тертых пальто и грубых фабричных ботинках. Запах «Беломора» и «Казбека» смешивался с ароматом жареных семечек, которые бойкие бабки продавали кулками из газет.

— Ванька! Машинистам пролетарский поклон! — раздался сзади зычный бас.

К нему, расталкивая толпу, протискивался Степан, бригадир путейцев с Казанского вокзала, широченный мужик с вечно улыбающимся лицом. За ним семенила пара ребят из ремонтного цеха.

— Здорово, Стёп. — Иван крепко пожал жесткую, как наждак, руку. — Как настрой?

— Боевой, Вань! — Степан ловко сплюнул шелуху. — Динамовцы, говорят, зазнались вконец. Яшин у них в воротах, паук черный, все тащит. Но наши сегодня упрутся. Бубукин вчера на базе так мяч прикладывал, ребята сказывали, что штанги звенели.

Они прошли контроль и заняли места на жестких скамейках, выкрашенных облупившейся зеленой краской, поближе к центру поля. Стадион заполнялся под завязку. Почти тридцать тысяч человек сидели плечом к плечу. Справа и слева устраивались такие же работяги: слесари с въевшимся мазутом на руках, токари, путейцы, кочегары.

В этой тесноте, в запахе махорки и дешевого одеколона Иван чувствовал удивительную силу. За стенами стадиона они были винтиками огромного механизма, смертельно уставшими после смен и живущими в тесных коммуналках.

Здесь, на деревянных лавках «Сталинца», они были хозяевами положения.

Из репродукторов на столбах грянул спортивный марш. Стадион взорвался аплодисментами: на поле выбежали команды.

Динамоцы вышли первыми, в бело-голубой форме, с идеальной выправкой. Лев Яшин в черном свитере и кепке неспешно пошел к воротам, постукивая шипами по газону.

Следом появились они. Команда простого народа. Красные футболки горели на солнце, широкая белая полоса пересекала грудь. Игроки выглядели сосредоточенными и злыми.

Свисток эхом отскочил от трибун, и игра началась.

Долгого перекатывания мяча поперек поля тогда не знали. Шла мужская рубка за каждый метр неровного газона. Мячи были тяжелыми, из толстой кожи со шнуровкой, которая в кровь разбивала лбы при неудачной игре головой, а намокнув, весила как пушечное ядро.

«Динамо» сразу начало давить классом. Атаки накатывались на ворота железнодорожников волна за волной. Бесков дирижировал в центре поля, раздавая точные передачи на фланги.

Защита «Локомотива» стояла насмерть. Защитники в красном бросались под удары с такой самоотверженностью, словно на кону была их жизнь. Подкаты были жесткими, кость в кость, и после каждого в воздух летели комья земли.

— Давай, родные! Держи их! — ревел над ухом Степан,

сжимая кулаки так, что белели костяшки.

Трибуны жили каждым движением на поле. Опасный момент у ворот «Локомотива» вызывал единый тревожный вздох, удачный перехват — одобрителный рев.

Шла тридцать пятая минута. Иван опустил руку во внутренний карман, нащупал нагретый металл и щелкнул крышкой. Время текло медленно, вязко, как густой мазут. «Динамо» подавало уже пятый угловой.

И вдруг ход игры переломился. Защитник «Локомотива» выиграл верховую дуэль у рослого динамовца и мощным ударом головой вынес мяч далеко за центр поля.

Нападающий железнодорожников, невысокий и юркий, рванул за ним и оставил за спиной замешкавшихся защитников, слишком увлекшихся атакой.

Трибуны вскочили, словно их подбросило пружиной. Иван сам не заметил, как оказался на ногах с открытыми чашами в кулаке.

— Бей! Давай! — выдохнул стадион одним голосом.

Нападающий ворвался в штрафную. Яшин, читая игру на шаг вперед, уже вышел из ворот и бросился в ноги с раскинутыми руками. Удар пыром, со всей оставшейся силы.

Мяч просвистел над кончиками пальцев вратаря и вонзился под перекладину. Сетка дернулась и выплюнула его обратно на траву.

Стадион «Сталинец» содрогнулся. Тридцать тысяч человек взревели разом, обнимая друг друга. В весеннее небо по-

летели кепки и газеты. Степан сгреб Ивана в охапку так, что у того хрустнули ребра. Незнакомый старик в довоенном пиджаке колотил его по плечу и кричал что-то сквозь слезы.

Иван смеялся во весь голос, глядя на кучу-малу в красных футболках в штрафной противника. Потом перевел взгляд на часы в руке. Секундная стрелка продолжала свой равнодушный бег.

Это был всего один гол в рядовом матче тяжелого чемпионата. Впереди был еще целый час против обозленного соперника. Впереди, в масштабах истории клуба, были годы громких побед и годы горьких поражений, когда команда будет падать в низшие лиги.

Но в эту секунду, стоя в ревущей толпе работяг под весенним солнцем, Иван точно знал: эту любовь невозможно вытравить из сердца. Он сохранит ее и передаст своим детям. Что бы ни случилось со страной, как бы ни менялись названия и эпохи, это красно-белое, упрямое, рабочее сердце клуба будет биться.

Со стороны Казанского вокзала ветер принес долгий гул от отправляющегося паровоза. Часы Ивана отсчитали новую минуту.

Глава 2. Голос из репродуктора

1955 год. Москва.

Огромная, на семь комнат, коммуналка в старом доходном доме на Бауманской пахла щами, керосином из шипящих примусов и той застарелой тоской, которая въедается в половицы жилищ, переживших войну. Длинный полутемный коридор с единственной лампочкой-«ильичевкой» под лепным потолком вел на общую кухню. Кухня была здесь всем сразу: местом для готовки, залом суда, трибуной политических дебатов и центром мироздания для пяти семей, чьих послевоенная судьба загнала под одну протекающую крышу.

Иван вернулся с ночной смены вымотанным до предела. Скинул в своей холодной комнате пропахшую дымом куртку, переобулся в стоптанные тапки и пошел на кухню. Там он вымыл руки и лицо под ледяной струей из дребезжащего латунного крана, вытерся жестким полотенцем и, слегка прихрамывая, сел за свой колченогий стол у окна, заставленный банками с крупой.

На кухне царил привычное воскресное оживление. У левой стены соседка тетя Зина шинковала капусту для засолки. У соседней плиты, в облаке мясного пара, колдовал над кастрюлей с пельменями Илья Борисович, тучный лысеющий товаровед из столичной Промкооперации. В дальнем углу,

дымя «Беломором» так, что хоть топор вешай, чистил хромовые сапоги отставной майор-артиллерист Петр Николаевич.

Разного достатка, разных судеб, разных взглядов. Но раз в неделю, когда в стране наступал футбольный день, эта тесная, пропахшая луком кухня превращалась в копию московских стадионов.

Над раковиной висел черный картонный конус репродуктора «Рекорд». Источник новостей, браваурной музыки и главной мужской страсти.

Иван достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, свои часы и щелкнул крышкой. Он прошел путь от кочегара, кидавшего уголь до кровавых мозолей, до старшего машиниста, знающего каждый клапан и каждую трубку сложнейшей системы локомотива. Механизмы, где каждая шестеренка на своем месте, он чувствовал нутром. Часы были идеальны.

Без десяти пять. Скоро начнется.

— Ну что, машинист, — Илья Борисович промокнул лысину клетчатым платком и прищурился из-за пара. — Готов страдать? Твои кочегары против великого «Спартака» выйдут. Закатаем мы вас в газон, Ваня, как пить дать. У нас Симонян на острие, Игорь Нетто в центре! Интеллигенция! Они же кружева на поле плетут. А ваши что умеют? Бей-беги да по ногам руби с перепугу.

Иван спокойно закрыл крышку. Подначки товароведа его

давно не задевали. В послевоенной Москве футбольная принадлежность была сродни прописке. «Спартак» поддерживали торговля, артели, кооперация — люди, у которых всегда водилась лишняя копейка и нужные связи. Недаром их прозвали «мясом»: Промкооперация тесно переплеталась с пищевой промышленностью.

— Кружева пусть бабы на спицах вяжут, Илья Борисович, — негромко, но веско ответил Иван. — А футбол — игра мужская. Мои парни консерваторий не кончали, но за свое депо глотку любому перегрызут. Бубукин сегодня вашему Симоняну кислород перекроет. Посмотрим, как он без мяча свои кружева плести будет.

— Отставить разговорчики! — буркнул из угла майор, орудуя сапожной щеткой. — Играют тут торгаши да путейцы, тьфу. Вот ЦДСА — это была сила! Армия! Дисциплина! Команда лейтенантов Федотова всю Европу на уши ставила, англичан била!

— Была, Петр Николаевич, вот именно, была, — мстительно напомнил товаровед, помешивая варево шумовкой. — В пятьдесят втором вашу армию после Олимпиады разогнали, а вернули только в прошлом году, и той команды лейтенантов уже не собрать. Так что не живите воспоминаниями.

Майор побагровел, бросил щетку и хотел ответить что-то многоэтажное, но в этот момент репродуктор дважды щелкнул, кашлянул статикой и ожил.

Кухня замерла, как по команде «смирно». Тетя Зина застыла с занесенным ножом. Илья Борисович так и остался стоять с шумовкой, с которой капал бульон. Иван подался вперед, положив руки на клеенку.

Сквозь треск помех прорвался голос, узнаваемый из миллионов. Хрипловатый, живой, с пулеметной скоростью речи. Голос, который останавливал прохожих у уличных репродукторов и заставлял бросать работу целые цеха.

«Внимание, говорит Москва! Наш микрофон установлен на центральном стадионе „Динамо“, где сегодня встречаются непримиримые столичные соперники — команды „Спартак“ и „Локомотив“! У микрофона Вадим Синявский».

Иван закрыл глаза. Ему не нужен был телевизор с линзой, чтобы увидеть поле. Синявский рисовал матч в воздухе тембром, паузами и внезапными ускорениями ритма и переносил каждого слушателя прямо на трибуны.

«...Трибуны переполнены! Судья проверяет сетки ворот, бросает взгляд на секундомер и дает свисток! Матч начался, товарищи! Мяч у спартаковцев. Игорь Нетто элегантно передает на левый край, Сальников рвется вперед по бровке... Но путь ему преграждает защитник „Локомотива“ Рогов! Жесткий, но чистый подкат! Мяч уходит в аут».

— Вот так! — Иван ударил кулаком по колену. — Ломай их кружева с первых минут!

Илья Борисович сглотнул, вспомнил про пельмени и начал торопливо вылавливать их в миску.

Игра выдалась тяжелой и вязкой. «Спартак» плел короткую перепасовку в центре поля, «Локомотив» сел в глубокую оборону и огрызался резкими контратаками. Синявский нагнетал напряжение. Видеоповторов тогда не было, газеты с отчетами выходили на сутки позже, и голос из картонной тарелки был единственным проводником в мир больших страстей.

«Опаснейший момент! Пармонов обманывает двух защитников, входит в штрафную... Удар! Под самую перекладину! Вратарь железнодорожников Кублицкий в невероятном прыжке переводит мяч на угловой! Давит „Спартак“, товарищи! Но железнодорожники гнутся, да не ломаются».

Иван снова достал часы. Сороковая минута. В кухне стояла тишина, нарушаемая только шипением примуса и взволнованным голосом комментатора. В эту минуту здесь не было ни классовых различий, ни тесноты коммуналки, ни вечной нехватки денег от зарплаты до зарплаты. Было только зеленое поле и тяжелый кожаный мяч со шнуровкой.

Иван знал каждого игрока своей команды. Видел их вживую на «Сталинце», зачитывал до дыр скудные заметки в «Гудке». Когда он тянул тяжелый состав в гору, задыхаясь от угольной пыли, он знал, что точно так же на поле сейчас отрабатывает в защите Виталий Артемьев. Когда он после смены начищал медные детали паровоза, он знал, что Валентин Бубукин так же тщательно шнурует бутсы, чтобы выйти против элиты советского футбола.

Рабочая кость. Им ничего не дается по благу. Каждое очко нужно вырывать на зубах, через сбитые колени и тяжелое дыхание.

«Свисток! Первый тайм окончен. Ноль-ноль. Пятнадцать минут отдыха, товарищи радиослушатели».

Из репродуктора полился марш. Соседи шумно выдохнули.

— Ну что я говорил? — Илья Борисович уселся за стол и щедро сдобрил пельмени дефицитной сметаной. — Отскочили ваши кочегары. Кублицкий чудеса творит, но долго вы так не продержитесь. Во втором тайме Симонян пристреляется.

— Класс — это хорошо, — Иван налил себе черного, как деготь, чая. — Только класс без характера на грязном поле не работает. Поляна сегодня тяжелая. Посмотрим, чьи ноги во втором тайме быстрее встанут.

Майор налил себе стопку водки, выпил и закусил огурцом с тарелки тети Зины.

— Тут я с путейцем согласен. У спартачей пижонства много, а в обороне дыры. Поймает их «Локомотив» на контратаке — несдобровать торгашам.

Пятнадцать минут тянулись долго. Иван смотрел в окно на серый двор, где мальчишки гоняли тряпичный мяч. Защита выстояла. Главное было сдержать первый натиск. Когда «Спартак» начнет нервничать и раскрываться, у «Локомотива» появится шанс.

«Мы возвращаемся на стадион „Динамо“! Второй тайм начался!»

Второй тайм превратился в осаду ворот «Локомотива». Синявский выдавал фамилии одну за другой, описывая броски Кублицкого и выносы мяча с пустых ворот. Иван сидел, ссутулившись над столом, и сжимал в кулаке часы.

Время растянулось, как резина. Он физически чувствовал усталость игроков. По себе знал, как тяжелеют ноги на грязном, изрытом шипами газоне, как не хватает воздуха. Держитесь, ребята. Весь Казанский вокзал сейчас с вами.

Шла восемьдесят вторая минута.

«...Снова атака „Спартака“! Нетто теряет мяч в центре поля... И „Локомотив“ мгновенно переходит в контратаку! Соколов, словно на курьерском поезде, проходит по центру! Передача на правый фланг, там набегает Виктор Ворошилов. До ворот метров двадцать пять. Он не сближается, он замашивается... Удар!»

Репродуктор зашелся треском, словно картонный конус не выдержал накала. Синявский сорвался на крик:

«Гол!!! Гол, товарищи! Великолепный удар! Мяч вонзается в левую „девятку“ ворот „Спартака“! Вратарь был абсолютно бессилен! Один-ноль в пользу железнодорожников за восемь минут до конца!»

Иван вскочил, едва не опрокинув стул.

— Получи, Промкооперация! — выкрикнул он, глядя на побледневшего Илью Борисовича. — Я же говорил! Желез-

ная дорога без боя не сдастся!

Майор басовито захохотал, хлопая себя по колену:

— Молодцы, путейцы! Раскатали балерин на контратаке, как по учебнику!

Товаровед молча отложил вилку. Аппетит у него пропал.

Последние минуты тянулись вечность. «Спартак» пошел на финальный штурм.

«...Идет добавленное время. Штрафной в сторону ворот „Локомотива“ с опаснейшего расстояния. У мяча Сергей Сальников. Свисток! Короткий разбег! Удар поперху стенки... Штанга! Мяч отскакивает в поле, защитники выносят его подале, и судья дает финальный свисток! Трудная, волевая, заслуженная победа московского „Локомотива“!»

Иван протяжно выдохнул. По спине струился холодный пот, будто он сам отбежал эти девяносто минут. Он разжал сведенную судорогой ладонь. На полированной крышке остались влажные отпечатки пальцев. Он протер металл рукавом, погладил выгравированный паровоз и закрыл крышку.

— Ну что, Илья Борисович, — Иван встал, чувствуя пьянящую легкость, несмотря на бессонную ночь. — Завтра в газетах почитаете, как ваши кружева расплелись. А мы пойдем отдыхать. Утром снова в рейс. Надо страну возить, а не мячик катать.

Он вышел в холодный коридор. Из-под разошедшей двери его комнаты тянуло сквозняком, но на душе было свет-

ло. В этой суровой, небогатой жизни у него была своя точка опоры. Своя команда.

Парни в красных рубахах с белой полосой сегодня доказали главное: неважно, кто против тебя — сытые академики со связями, военные чины или столичная элита. Если у тебя внутри есть стержень и ты готов стиснуть зубы и пахать за двоих, ты можешь сокрушить кого угодно.

Эта простая рабочая философия въелась в Ивана так же крепко, как угольная пыль в поры кожи. И он знал: когда у него родится сын, он первым делом расскажет ему не о том, как устроен реверс или тормоза Вестингауза. Он расскажет мальчишке, как бьется упрямое сердце их железнодорожной команды.

Глава 3. Новая жизнь

Ноябрь 1956 года. Москва.

Зима в тот год обрушилась на столицу рано и зло. Уже в первой половине ноября набрякшее сыростью небо прорвалось густым колючим снегом. Он падал отвесно, тяжелыми хлопьями, и за одну ночь заковал улицы, крыши и трамвайные пути в ледяной панцирь. Ветер с замерзающей Москвы-реки выдувал из подворотен последние остатки осеннего тепла, и редкие ночные прохожие прятали лица в поднятые воротники драповых пальто.

Иван сидел на жесткой белой банкетке в гулком коридоре родильного дома имени Грауэрмана на Арбате. Стены до половины были выкрашены бледно-зеленой масляной краской, редкие лампочки в проволочных плафонах отражались в ней тусклыми пятнами. На Иване был все тот же парадный двубортный пиджак, под который он в спешке поддел толстый свитер. Пахло хлоркой, хозяйственным мылом, карболкой и чем-то неуловимо тревожным. От этого запаха пересыхало во рту, а сердце билось неровными толчками где-то у горла.

Он был здесь не один. Напротив, зажав между коленями кроличью ушанку, сидел совсем молодой паренек, по виду студент Бауманки или недавний выпускник ремесленно-го. Он мелко, безостановочно дрожал и беззвучно шевелил губами, словно повторял перед экзаменатором формулы со-

промата.

У высокого окна с заиндевевшими рамами, заложив руки за спину, мерил шагами коридор седой грузный мужчина в каракулевой шапке и пальто с бобровым воротником. Шесть шагов туда, разворот на каблуках, шесть обратно. На каждом развороте он бросал воспаленный взгляд на закрытые двустворчатые двери родильного отделения.

Иван откинулся спиной на холодную стену и прикрыл глаза.

Он, машинист первого класса, укрощал ревущих стальных монстров. Водил эшелоны с боеприпасами под бомбежками в сорок третьем под Курском. Не терял самообладания, когда на обледенелом уклоне отказывали тормоза. А сейчас был напуган до смерти.

Этот страх был ему незнаком. Здесь от него ничего не зависело. Он не мог потянуть рычаг реверса, подкинуть угля в топку, крикнуть на помощника. Он мог только сидеть и ждать.

Мария. Его Маша.

Они познакомились больше года назад, весной пятьдесят пятого, в Доме культуры железнодорожников на Каланчевской. Иван пришел туда с бригадиром Степаном на танцы, скорее за компанию. Он стоял у колонны, неразговорчивый работяга, привыкший к мазуту и грохоту сцепок, и чувствовал себя чужим на празднике с духовым оркестром.

И вдруг — она. Тоненькая русоволосая учетчица из стати-

стического управления Московско-Рязанской дороги. Ситцевое платье в мелкий горошек, тугая коса и ясный, честный взгляд без капли столичного жеманства.

Иван сам не понял, как решился. Шагнул на натертый паркет и неуклюже пригласил ее на вальс. Танцевал он ужасно, сбивался с ритма, несколько раз оттоптал ей туфельки своими фабричными ботинками и боялся помять ее талию огромными ладонями. Любая другая фыркнула бы и ушла. А она рассмеялась легко и звонко, как весенняя капель по жестяному подоконнику. И этот смех в одно мгновение разнес в ключья броню его одиночества, копившегося годами в продуваемой сквозняками комнате на Бауманской.

Потом были бесконечные прогулки по бульварам, эскимо за одиннадцать копеек, робкие поцелуи в тени сирени на Патриарших. Маша совершенно не разбиралась в футболе. «Офсайд» и «штрафной удар» звучали для нее как китайская грамота. Когда Иван, краснея как мальчишка, признался, что почти каждые выходные пропадает на трибунах «Сталинца», он ждал упреков. А она ласково поправила сбившийся воротник его рубашки.

«Главное, Ванечка, чтобы у тебя душа там радовалась, — сказала она тихо. — Мужчине, если он тяжело работает, нужна отдушина. Ты у меня как тот паровоз: если лишний пар через клапан не выпустить, котел разорвет. Только шарф теплый надевай, там же ветра продувают».

Она не пилила его за потраченные на билеты копейки, не

ревновала к друзьям-путейцам. Маша приняла эту часть его жизни так же естественно, как цвет глаз любимого человека. И за одно это Иван был готов носить ее на руках до конца своих дней.

Осенью они расписались в районном ЗАГСе, тихо, без белого платья. Посидели вечером за большим столом с соседями. Илья Борисович, обычно прижимистый, выставил припасенную бутылку армянского коньяка. Майор Петр Николаевич надел китель с орденскими планками и произнес длинный, сбивчивый тост про надежный тыл, без которого ни один солдат не выиграет войну.

Подготовка к появлению малыша стала общим делом всей квартиры. Иван купил на барахолке подержанную деревянную кровать, сам зашкурил ее до идеальной гладкости и покрыл лаком. Тетя Зина связала пинетки из распущенного свитера. Даже Илья Борисович через свои торговые связи достал редкость — венгерскую соску. В их тесной комнатухе, где между кроватью, шкафом и столом оставался лишь узкий проход, кровать заняла почетное место у батареи. Все было готово.

И вот теперь этот ровный ритм дал сбой.

Вчера вечером, когда за окном уже выла метель, Маше стало плохо. Схватки начались резко и часто, хотя врач в консультации ставил срок только через две недели. Иван в одной рубашке выскочил на заснеженную улицу и метался по перекрестку, пока не поймал дребезжащую рабочую «По-

беду». Пожилой водитель в ватнике увидел его глаза и без лишних вопросов погнался по обледенелой брусчатке к Грауэрману.

С тех пор как за Машей закрылись белые двери, наступила тишина. Ее нарушали только глухие стоны откуда-то сверху и шаги дежурных сестер с никелированными биксами.

Иван достал часы, которые не снимал даже на ночь, кладя под подушку, и щелкнул крышкой.

Половина четвертого утра. Глухое, волчье время.

Раньше тиканье успокаивало его, напоминая перестук колес или пульс здорового сердца. Сейчас, в больничной тишине, каждый удар механизма бил по нервам, как молот. Время превратилось в густую липкую смолу, и Иван вяз в ней, как муха.

Мужчина в каракуле остановился рядом, достал серебряный портсигар и протянул ему. Внутри ровным рядом лежал «Казбек».

— Куришь, отец? Тут не велят, но если в рукав...

— Не курю, спасибо. Дыхалку на паровозе берегу. Кого ждете?

— Дочку. Первенца рождает. — Мужчина убрал портсигар, так и не закулив. — Зять мой офицер, на Дальнем Востоке служит. Вот, отдуваюсь за него. А у тебя?

— Жена. Тоже первый.

— Первый — всегда как в атаку без артподготовки, — заметил седой и вернулся к своему маршруту.

Мозг Ивана искал хоть какую-то понятную аналогию. Ждать здесь было похоже на пенальти в твои ворота на последней минуте кубкового матча. Счет ничейный, стадион замер, бьющий берет длинный, издевательски медленный разбег, а ты на трибуне ничего не можешь изменить. Ни крикнуть, ни подсказать. Только стоишь, вжав голову в плечи, и смотришь, как тяжело летит кожаный мяч. Только ставки здесь были другие. Здесь на кону стояли две жизни.

Сезон пятьдесят шестого, только что завершившийся, тоже выдался валидольным. «Локомотив» весь год лихорадило. Команда отчаянно боролась за место в классе «А» и болталась в нижней половине таблицы. Обидные поражения от киевского «Динамо» и армейцев больно били по рабочему самолюбию. На кухне Илья Борисович уже открыто предрекал «кочегарам» вылет в класс «Б».

Но Иван, как и тысячи других путейцев на трибунах «Сталинца», продолжал верить. Они видели, что Борис Андреевич Аркадьев затеял болезненную перестройку: рушил слабое, чтобы построить новое. В команде появлялись молодые, злые до игры парни.

Особенно жарко в курилке депо обсуждали нового вратаря.

«Ты видел, Вань, этого длинноногого, Маслаченко? — говорил ему Сашка, размахивая черными от угля руками. — Володька-то с Кривого Рога! Он как пантера прыгает! Яшин Яшиным, спору нет, но наш Маслак еще всем покажет. Он

мячи из таких „девяток“ тащит, что физике не поддается».

Вместе с капитаном Виктором Ворошиловым и двужильным Валентином Бубукиным эта перекроенная команда постепенно обретала характер. Они вырывали ничьи у лидеров, бились до последнего свистка, учились терпеть боль. Сезон пятьдесят шестого стал сезоном, когда глубоко под землей закладывался фундамент будущих побед. Нужно было просто перетерпеть темную полосу.

«Как сейчас, — подумал Иван, сглотнув сухой ком. — Надо перетерпеть. Она сильная, она справится».

Три часа сорок две минуты.

Тяжелые белые створки в конце коридора со скрипом распахнулись. В желтом проеме показалась пожилая акушерка в крахмаленном халате и клеенчатом фартуке, на котором Иван с ужасом разглядел темные пятна. Лицо у нее было смертельно уставшим, но в уголках глаз пряталась добрая морщинка.

Она обвела взглядом застывших мужчин. Студент вскочил так резко, что уронил ушанку и не заметил этого. Седой замер на полушаге. Иван медленно поднялся, чувствуя, как деревенеют ноги.

— Токаревы есть? — отчетливо произнесла акушерка, и голос эхом отскочил от высоких потолков. — Кто тут у нас машинист Токарев?

У Ивана земля ушла из-под ног. Он не помнил, как преодолел десять метров до дверей.

— Я... я Токарев, — выдавил он и поразился, каким сдавленным и чужим стал его голос. Огромные руки, способные закрутить любую гайку ключом «на тридцать два», мелко тряслись.

Акушерка стянула с лица марлевую повязку и устало, по-матерински улыбнулась.

— Ну, машинист, выпускай пар. Разрешилась твоя Мария. Тяжело шло, ох и намучилась девка, но справилась сама. Героиня она у тебя, кремень.

— Как она? Жива? — Иван вцепился в дверной косяк, чтобы не рухнуть.

— Спит. Измоталась вся, но, слава богу, без осложнений обошлось. Крепкая баба, кровь с молоком. Оклемается быстро, не переживай.

— А... ребенок?

Акушерка кивнула, и улыбка ее стала шире.

— Богатырь. Три килограмма восемьсот. Пятьдесят два сантиметра. Как родился, орал так, что стекла в родильной звенели, мы аж оглохли на минуту. Сразу видно — весь в бату-паровозника. Сын у тебя, Токарев.

Сын.

Это короткое слово обрушилось на Ивана, как несущийся на полном ходу товарный экспресс. Выбило воздух из легких и наполнило грудь слепящим светом.

Сын. Наследник. Продолжение их фамилии и их крови.

Иван закрыл лицо пропахшими мазутом ладонями, и пле-

чи его затряслись. Он, прошедший войну, видевший смерть товарищей, голод и разруху, плакал в бледно-зеленом больничном коридоре, не стесняясь ни медсестры, ни студента, ни человека в каракуле. Слезы смывали накопившиеся за эти сутки копоть, усталость и страх.

— Ну-ну, папаша, отставить сырость! — проворчала акушерка и похлопала его по плечу. — Радоваться надо. Иди домой, выпишь, тебе жену встречать. Передачи с восьми до десяти. Яблоки носи антоновские, бульон куриный в баночке, марлечкой завязанной. Иди, Токарев.

Иван отнял руки от мокрого лица и глубоко вдохнул воздух, все еще пахнувший карболкой. Сейчас этот запах казался ему лучше французских духов. Он кивнул, так и не найдя слов благодарности, и пошел к лестнице. В ногах появилась пружинящая легкость, словно он сбросил с плеч мешок угля.

Он вышел на обледенелое крыльцо. Снег успел засыпать ступени по щиколотку, и чьи-то следы, наверное той самой «Победы», уже превратились в мягкие белые ямки.

Глухая ноябрьская Москва встретила его ледяным ветром и снежной крупой в лицо. Фонари раскачивались со скрипом, бросая на сугробы дерганные тени. Город спал и не подозревал, что в эту минуту в мире стало на одного человека больше.

Иван остановился под фонарем и снова достал часы.

Три часа сорок восемь минут утра.

Он стоял без шапки, в распахнутом пальто, ветер тре-

пал его седеющие волосы, а ему было жарко. Внутри работала раскочегаренная топка. Он смотрел на бегущую секундную стрелку, и губы сами растягивались в широкую, глупую, счастливую улыбку.

Он бережно подзавел механизм на несколько оборотов, чувствуя сопротивление пружины.

— Лешка, — тихо сказал Иван в воющую ночь, и пар вырвался изо рта белым облаком.

Имя пришло само, как дыхание. Алексей Иванович Токарев. Звучит крепко. Как ровный рельсовый стык под колесами экспресса.

Он спрятал часы к колотящемуся сердцу и широким шагом пошел по пустому Арбату домой.

Он знал, что будет дальше. Утром, едва откроются ворота, он поедет на Даниловский рынок и купит лучшие антоновские яблоки, не торгуясь. Выставит на обшарпанной кухне магарыч Степану, вредному Илье Борисовичу и старому майору, и они выпьют за здоровье нового жильца Бауманской.

А когда Лешка подрастет и ножки его окрепнут, Иван сошьет ему крошечную копию своей кепки-восьмиклинки. Посадит мальчишку на плечи и воскресным утром повезет на деревянные трибуны в Черкизово. Покажет ему залитое светом зеленое поле и уставших парней в красных рубашках с белой полосой. И объяснит, что эта команда — их рабочая семья, их характер, их кровь.

Новая жизнь уже кричала в родильной палате Грауэрмана, требуя своего места под солнцем. Жизнь, которой предстояло увидеть хрустальный Кубок в руках капитана Ворошилова, а много позже самой перекрасить стадион и клубные шарфы в красно-зеленые цвета.

Глава 4. Заводская закалка

Апрель 1957 года. Москва.

Весна пятьдесят седьмого ворвалась в Москву шумно и стремительно, как долгожданный курьерский поезд. Город готовился летом принять Всемирный фестиваль молодежи и студентов и на глазах сбрасывал серую ледяную чешую. На улицах появлялись первые афиши, фасады на центральных проспектах спешно штукатурили и красили в светлые тона.

На рабочих окраинах, у Казанского вокзала и товарных станций, весна пахла иначе. Почерневшие сугробы вдоль путей оседали под солнцем и превращались в ручьи. Талая вода смывала с рельсов накопившуюся за зиму угольную крошку, мазут и шлак. Во влажном воздухе смешивались запахи оттаявшей земли, мокрой креозотовой древесины и той надежды, которая всегда приходит вместе с первым теплом.

Для старшего машиниста Ивана Токарева эта весна была особенной. Первая весна его сына.

Пятимесячный Лешка рос крепышом и полностью оправдывал прогнозы старой акушерки. Он требовал внимания звонким криком и не давал родителям спать ночами. Но эти ночи, когда Иван качал на руках плачущего младенца, вышагивая по скрипучим половицам, были для него слаще любого отдыха.

Утро в коммуналке теперь начиналось одинаково. Едва за

окном серело, Лешка выдавал первую руладу.

— Ну всё, сирена загудела, — ворчал за стенкой Илья Борисович, демонстративно шаркая тапками в сторону уборной. — Никакого покоя трудовому человеку. Радио можно не включать, Токаревы разбудят.

— Отставить нытье, штатская душа! — басил из своей комнаты майор. — Будущий солдат командирский голос тренирует! Пусть кричит, легкие расправляет.

Маша, похудевшая, с темными кругами под глазами, но со светлым, умиротворенным лицом, распеленывала сына на кровати. Иван, уже в рабочей форме, застегивал пуговицы и смотрел, как крошечные кулачки сучат в воздухе. Внутри у него, словно в котле паровоза, поднималось ровное давление.

Возвращаясь с ночных смен, пропахший дымом и раскаленным железом, он первым делом скидывал куртку, оттирал лицо и руки хозяйственным мылом на кухне и бежал в комнату брать на руки теплый комочек, пахнувший молоком и детской присыпкой. В этот момент усталость, ломота в плечах и звон в ушах от грохота колесных пар исчезали без следа.

Теперь он знал, ради кого крутит тяжелый реверс «Лебедянки» и чье будущее обеспечивает каждой пройденной верстой.

Но с приходом апреля вместе со всей страной просыпалась и другая его страсть. Футбол.

В обеденный перерыв бригада собралась в закопченной бытовке у ремонтных цехов депо. Внутри было жарко натоплено «буржуйкой» и накурено так, что солнечные лучи с трудом пробивались сквозь немытые с осени стекла. В световых столбах кружилась пыль, выхватывая из махорочного дыма перепачканные сажей лица.

Мужики сидели на перевернутых ящиках из-под инструмента, на старых покрышках, на сварных табуретах. Пили черный, как деготь, чай из жестяных кружек и жевали принесенные из дома бутерброды с «Докторской» и крутые яйца, завернутые в газету.

В центре внимания, как всегда перед сезоном, был Степан. Широкоплечий, похожий на медведя бригадир разложил на коленях свежий «Советский спорт», который с утра перехватил в киоске у вокзала.

— Ну, слушайте, братцы! — Степан откашлялся и провел толстым пальцем по передовице. — «Команды мастеров класса „А“ завершили предсезонные сборы на юге. Тренеры отмечают высочайший уровень физической готовности футболистов...»

— Ты нам казенные передовицы не читай, Стёп, мы грамотные, сами политинформацию сдавали, — проворчал из угла старый слесарь Михалыч, протирая ветошью тяжелый ключ. — Ты про наших ищи. Что там Аркадьев на этот год придумал? Опять весь сезон в хвосте плестись да валидол жрать?

Прошлый год с его обидными поражениями, травмами и нервной борьбой за выживание оставил на самолюбии заводских болельщиков глубокий шрам. Команда закончила первенство в нижней части таблицы, и о вылете в курилках говорили всерьез.

— А вот слушай и не перебивай! — Степан сверкнул глазами из-под густых бровей. — Наши с югов вернулись злые, как черти. Валька Бубукин жаловался: по зыбучему песку бегали с утяжелителями на ногах, физику качали до тошноты. Борис Андреевич — футбольный профессор, он у нас систему «дубль-вэ» ставил! Он смекнул: раз у нас балерин нет, раз мы рабочая кость, будем брать дыхалкой и хребтом!

Иван, сидевший у окна с кружкой кипятка, согласно кивнул. Именно тогда, под прессом прошлогодних разгромов, незаметно для чужих глаз выковывался новый характер команды.

Он достал часы и откинул крышку. До конца перерыва двадцать две минуты. Новый сезон должен был стать решающим: либо команда докажет, что имеет право стоять в одном ряду с великими, либо окончательно скатится в середняки.

— Физика — дело нужное, — подал голос Сашка, откусывая от черной краяхи, натертой чесноком. — А голы кто забивать будет? Дядь Вань, ты сам посуди. У «Спартака» вся сборная в нападении: Симонян, Ильин, Исаев. Они друг другу с закрытыми глазами пасуют. У торпедовцев пацаны подросли, звери просто — Валька Иванов с Эдиком Стрельцо-

вым. Стрельцов, говорят, пяткой пасы раздает, не глядя! А у «Динамо» Яшин в воротах, половину ворот ручищами перекрывает. Как мы против них со своей беготней попрем?

В бытовке повисла тяжелая пауза. Сашка озвучил то, что тайком грызло каждого. Класс соперников был объективно выше. Армия, МВД, богатая кооперация собирали лучшие таланты страны, переманивая их квартирами и пайками. А «Локомотив» комплектовался теми, кто не подошел столичным грандам, и жесткими парнями с рабочих окраин.

— А я тебе скажу, как попрем! — Степан хлопнул ладонью по газете так, что пыль взлетела столбом. — Характером! Ты мне Стрельцова не хвали, пяткой пусть в Большом театре танцуют. У нас свой капитан есть, Виктор Ворошилов! Удар у него — гаубица! Витя мужик тертый, фронтовик почитай. Приложится с тридцати метров — твой Яшин вместе с мячом в сетку улетит. Он на поле как танк прет, его подкатом не сломаешь. Ему по ногам бьют, а он только злее становится!

— Ворошилов — это голова, — веско подтвердил Иван, пряча часы. — Он игру на три хода вперед читает. А в центре кто поляну выжигать будет? Наш Валя Бубукин.

При этой фамилии по бытовке прошел теплый гул. Бубукина работяги любили как родного брата: в нем не было ни капли звездного пижонства.

— Валька — наш магистральный паровоз! — Иван подался вперед, и глаза его загорелись. — У него два сердца в гру-

ди, не иначе. Он от своей штрафной до чужой все девяносто минут челноком носится. Ему сзади по ногам бьют, он кубарем летит, встает, отряхивается и бежит дальше, да еще щербатой улыбкой защитников бесит. Спартаковским «академикам» он все кружева в центре порвет, вот увидите. Они мяч получают, голову поднимут, а Бубукин уже висит на ногах, как бульдог.

— А Маслаченко за зиму заматерел, — добавил Сашка, воодушевившись. — Длинный, сухой, прыгучий, как дикая кошка. — Я в прошлом году на «Сталинце» видел, как он мертвый мяч из «девятки» вытащил. В воздухе переложился и кончиками пальцев на угловой. Яшин позицию выбирает, а наш на одних инстинктах тащит!

Спор разгорелся с новой силой. Мужики перебивали друг друга, обсуждали схемы Аркадьева, вспоминали старые обиды и строили почти фантастические планы. Здесь, среди запахов мазута и угольной пыли, крепла невидимая связь между тысячами рабочих у станков и одиннадцатью парнями в красных футболках. Команда была их делегатом в мире больших страстей.

— Чемпионат — дело долгое, на целый год, — рассудил Михалыч, затягиваясь самосадом. — Там на длинной дистанции класс свое возьмет. У кого скамейка длиннее, у кого генералы за спиной — те по осени наверх и выплывут. Нам до медалей вряд ли дотянуться. Силенок у простой заводской команды на два фронта не хватит. Травмы пойдут,

карточки...

Михалыч был математически прав, и все это понимали. Выиграть марафон в два с лишним десятка туров против «Спартака» или «Динамо» простой заводской команде было почти фантастикой.

— Зато Кубок... — негромко, но четко произнес Иван.

Бытовка стихла. Было слышно только, как потрескивают дрова в «буржуйке».

— Кубок СССР, мужики. Вот наша цель в этом году.

Степан медленно кивнул.

Кубок был совсем другим турниром. Уличный бой на выбывание. Проиграл — собирай чемоданы. Никаких подсчетов очков, никаких тактических ничьих. Все решалось за девяносто минут на поле, очерченном мелом. И в таких условиях на первый план выходил голый мужской характер. Умение терпеть боль от ударов по ногам. Умение сжать зубы, когда судорогой сводит икры. Умение броситься головой под мокрый мяч, не думая о сотрясении.

А этого добра у парней из «Локомотива» было с избытком.

— «Локомотив» — команда кубковая, — сказал Иван, словно забивая кувалдой костыль в шпалу. — В тридцать шестом мы самый первый Кубок Союза взяли, я тогда пацаном был. И в этом году повторим. Аркадьев их на югах так наскипидарил, что они любого гранда в асфальт закатают. В одной игре наши кочегары хоть сборную мира обыграют.

Упрутся рогом — никто их с места не сдвинет.

— Твои слова да богу в уши, Вань! — Степан бережно свернул газету и сунул в карман. — Если наши Кубок поднимут... Да я месяц капли в рот не возьму! И всю бригаду на стадион за свой счет свожу, на центральную трибуну!

Заводской гудок, пронзительный, вибрирующий в самых печенках, разорвал прокуренный воздух. Перерыв кончился. Пора было возвращаться в холодные цеха, к раскаленным топкам, к тяжелой работе, без которой не встала бы на ноги страна.

Иван шел по путям к своему паровозу с ясной головой. Солнце пригревало черную от копоти брезентовую куртку. В нагрудном кармане ровно тикали часы, отмеряя секунды до начала кубкового похода.

Вечером он долго стоял над деревянной кроваткой. Лешка спал, раскинув пухлые ручки поверх байкового одеяла, и смешно морщил носик. Маша, вымотанная стиркой пеленок и готовкой на общей кухне, дремала на железной кровати под старым шерстяным пледом.

Иван осторожно, чтобы не звякнуть цепочкой, поднес часы к лицу сына. Лешка, не просыпаясь, заворочался, зачмокал губами, словно почувствовал рядом ровное биение механизма. Его маленькие, неожиданно цепкие пальчики сжались и поймали серебряную цепочку.

Иван замер, боясь вздохнуть. Он смотрел на крошечную ручку, с потрясающей силой сжимающую холодный металл,

и чувствовал, как внутри него самого сжимается тугая пружина.

В этом сезоне ошибиться нельзя. В тот год, когда его сын делает первые вдохи, команда должна сделать свой первый большой шаг.

Он по одному пальчику высвободил цепочку из детской хватки, закрыл крышку и неслышно поцеловал спящую жену в макушку, пахнущую хозяйственным мылом.

Красные футболки с белой полосой уже были выстираны, выглажены и ждали своего часа в раздевалке. Заводская за-калка была пройдена. Сезон, который впишет простые имена этих рабочих парней в историю отечественного футбола, приближался с каждой секундой.

Глава 5. Сетка турнира

Лето — осень 1957 года. Москва.

Лето пятьдесят седьмого выдалось в Москве душным, знойным и сумасшедшим. Столица страны, еще недавно наглухо отгороженная от мира железным занавесом, вдруг распахнула двери и принимала VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Москва изменилась за несколько недель, словно кто-то плеснул яркой краски на старую черно-белую фотографию. По раскаленным проспектам гуляли толпы иностранцев в невиданных нарядах: девушки в пышных юбках, парни в узких брюках и цветастых рубашках. Из открытых окон общежитий и парковых павильонов вместо привычных маршей неслись синкопы полузапрещенного джаза и рок-н-ролла.

Москвичи, поначалу настороженные, быстро ошалели от обилия новых лиц, чужих языков и внезапно свалившейся свободы. Они гуляли ночами огромными толпами по улице Горького, меняли значки с делегатами из Африки, братались с индусами в тюрбанах и пели незнакомые песни под гитары на бульварах. Огромный суровый мир вдруг начал петь и танцевать, забыв на время о холодной войне и железных границах.

Но за закопченными стенами Казанского вокзала, в депо и ремонтных ямах этот карнавал казался чем-то далеким, как

киножурнал перед сеансом. У железной дороги не бывает фестивалей. У нее есть график, тонны антрацита, ревущий пар и круглосуточная работа.

В кабине паровоза температура в июле переваливала за пятьдесят градусов. Иван, в пропитанной потом брезентовой робе на голое тело, вытирал глаза грязным рукавом. Раскаленный воздух обжигал легкие при каждом вдохе, угольная пыль скрипела на зубах, забивалась в нос и уши. Роба, пропитанная потом, к концу смены стояла колом, и снимать ее приходилось, как жестяной футляр.

Сашка, похудевший за лето килограммов на пять, кидал уголь в топку, и на его блестящей спине проступал каждый позвонок.

— Дядь Вань! — кричал он сквозь грохот колес. — В центре, говорят, индусы на живом слоне по улице ехали! А мы тут коптимся!

— Наш слон — вот он, двести тонн весом! — хрипло отвечал Иван, не отрывая слезящихся глаз от колеи. — Подкинь, Сашок, на подъем идем, давление падает!

Несмотря на жару, изматывающие рейсы и хронический недосып (Лешка резал первые зубы и кричал по ночам), мысли Ивана, Степана, Михалыча и тысяч путейцев были далеки от фестиваля. Их главный праздник разворачивался на футбольных газонах.

Кубок СССР набирал обороты и превращался в беспощадную мясорубку.

Первый шаг команда сделала еще в конце мая. Жребий отправил «Локомотив» на Урал, в Свердловск, против крепкой армейской команды ОСК. Следить за выездными матчами в те годы было сродни шпионской операции. Телевизоры КВН-49 с линзой, которую наполняли дистиллированной водой, стояли у редких счастливиц. Газеты с отчетами приходили в киоски на день-два позже. Радиорепортажи велись далеко не со всех стадионов.

Но у железнодорожников было свое оружие: ведомственная связь, опутавшая всю страну стальными нитями.

Вечером того дня Иван, едва сдав смену, не пошел домой. Вместе со Степаном, Сашкой и десятком таких же чужаков он проскользнул по безлюдным коридорам в служебные помещения Казанского вокзала, на узловую телеграфную станцию.

Здесь, за обитыми дерматином дверями, стоял приятный полумрак и резкий запах озона. Вдоль стен щелкали аппараты Морзе и громогласные телетайпы, выплевывавшие бумажные ленты. За главным пультом сидел старший телеграфист Матвеич — сухонький сгорбленный старичок в черных нарукавниках и очках с толстыми линзами. Он начинал работать еще при царских паровозах и, казалось, помнил самого государя императора. А болел за «Локомотив» с победного тридцать шестого, с самого первого Кубка.

— Ну что, Матвеич, отец родной? — шепотом спросил Степан, нависнув над пультом и заслонив свет лампы с зеле-

ным абажуром. — Связался с уральским узлом?

Старик поднял узловатый палец, требуя тишины.

— Не дышите мне в шею, ироды. Я еще с обеда просил ребят в Свердловске к стадиону поближе подобраться. Они мне по резервной линии точки-тире отбивают. Рискуют, между прочим, премией.

В аппаратной повисла тишина, нарушаемая только стрекотанием ключей. Десяток здоровых мужиков боялись кашлянуть. Иван сжимал в кармане часы. Кто-то в углу не выдержал и закурил «Казбек», нарушив все инструкции по пожарной безопасности, но даже принципиальный Матвеич этого не заметил. Иван закрыл глаза и мысленно, всей натруженной душой, гнал свою волю туда, за тысячи километров, за Уральские горы.

Аппарат перед носом старика защелкал и выстрелил узкой лентой с синими буквами. Матвеич перехватил ее, пробежал глазами и шумно выдохнул, снимая очки.

— Два-ноль, братцы! Свердловск пал! Бубукин и Моргунов забили! Всухую! Мы идем дальше!

Аппаратную огласил рев десятка глоток. Степан сгреб Ивана в объятия так, что хрустнули ребра. Матвеич аккуратно оторвал ленту, сложил ее вчетверо и спрятал в нагрудный карман. «На память, — пояснил он, протирая очки. — Внукам покажу».

Дальше было лето с фестивалем и раскаленными будками, а в конце августа «Локомотив» вернулся в кубковую сет-

ку и набрал крейсерский ход. В Москве под колеса разогнавшегося паровоза попало мощное киевское «Динамо» — 3:1. Через девять дней на своем поле при неистовой поддержке заводских трибун железнодорожники разорвали сормовский «Авангард» — 5:2.

Команда летела к финалу. Но самая страшная битва ждала впереди.

В полуфинале, назначенном на девятнадцатое октября, их ждал соперник, от одного имени которого дрожали колени у многих. ЦСК МО — Центральный спортивный клуб Министерства обороны. Наследники «команды лейтенантов» Федотова и Боброва. Сытая армейская машина с огромным административным ресурсом.

Эта игра еще до свистка расколола коммуналку на Бауманской пополам.

Майор Петр Николаевич за неделю до матча превратился в натянутую струну. Вычистил хромовые сапоги до зеркального блеска, попросил тетю Зину отгладить парадный китель с орденскими планками. По вечерам он по-хозяйски курил на кухне и бросал на Ивана снисходительные взгляды.

— Ты пойми правильно, Ваня, без обид, — вещал майор, пуская в потолок кольца дыма. — Вы молодцы, путейцы. Характер проявили, до полуфинала доскреблись. Сормово обыграть — похвально. Но против армии, брат, не попрешь, ни с вилами, ни с мячом. Армия — это государственная машина! Дисциплина, стратегия генерального штаба! У

нас каждый игрок — офицер, у них приказ победить! Мы вас перебегаем, запрессингуем, заставим ошибаться на каждом метре. Так что готовь валидол для себя и для своего горластого Степана. Машина вас переедет и не заметит.

— Война план покажет, товарищ майор, цыпят по осени считают, — спокойно ответил Иван, неторопливо помещивая ложечкой чай в мельхиоровом подстаканнике. — Мяч для всех круглый. У вас генералы в ложах коньяк из фляжек пьют, а за нас весь рабочий класс от Москвы до Владивостока у радиоприемников кулаки держит. Посмотрим, чья правда возьмет. Мозолистая рабочая кость или ваша армейская выправка.

В день полуфинала напряжение на кухне достигло точки кипения. От жаркого фестивального лета не осталось и следа. За мутным кухонным окном хлестал холодный, нудный осенний дождь, и по стеклу ползли кривые дорожки воды. Репродуктор над раковиной снова стал центром мироздания. Майор сидел на табурете прямой, как на параде. Илья Борисович, чей «Спартак» уже прошел в финал и сыто ждал победителя, ехидно потирал пухлые ручки и с плохо скрытым удовольствием поглядывал на обоих соседей. Иван положил на клеенку часы, откинул крышку и вперился в секундную стрелку.

Матч начался без раскачки, и голос Синявского ворвался на кухню, перекрывая шум дождя.

«Внимание, товарищи! Стремительная атака „Локомоти-

ва“! Мяч у Валентина Бубукина! Он входит в штрафную, обходит защитника... Удар!!! ГОЛ!!! Шла всего шестая минута! Бубукин прошивает вратаря ЦСК МО! Один-ноль в пользу железнодорожников!»

Иван ударил кулаком по столу так, что звякнули стаканы.

— Съели, ваше благородие?! Шестая минута!

Майор побледнел, но быстро взял себя в руки и сжал губы.

— Рано радуешься, путеец. Играть еще восемьдесят четыре минуты. Вы разозлили медведя.

И старый артиллерист оказался прав. Быстрый гол стал лишь прелюдией к кошмару. Раненая армейская машина обрушила на ворота железнодорожников всю свою мощь.

Следующие восемьдесят четыре минуты превратились в ад. Защищать минимальное преимущество против команды, которая превосходит тебя в классе, — пытка для нервов. Армейцы заперли «Локомотив» на его половине поля и атаковали волна за волной: через центр, по флангам, навесами, дальними ударами.

Иван сидел, ссутулившись, и не сводил глаз с часов. Стрелки, казалось, прилипли к циферблату. Это было хуже, чем ждать гола в конце матча: держать один мяч против команды, которая сильнее тебя, и знать, что впереди еще целая вечность.

Володя Маслаченко творил в воротах чудеса. Синявский описывал его кошачьи броски: вратарь вытаскивал мокрые мячи из углов и бросался в ноги нападающим, рискуя здоро-

вьем. Защитники в красном, перепачканные грязью, бросались под удары, словно на амбразуру.

— Да бейте же вы, черт вас дери! — рычал майор, потрясая кулаком. — Расстреливайте ворота!

Илья Борисович злорадно хихикал:

— Выдыхаются ваши кочегары, Ваня. Еще минут десять — и добавят. А в дополнительное время вы прямо на газоне и помрете.

Иван молчал, стиснув челюсти. Он чувствовал каждую каплю пота на лицах игроков. Знал, как горят легкие у защитников и как сводит судорогой икры у Бубукина. «Терпите, мужики. Характер бьет класс. Стойте насмерть».

Восемьдесят восьмая минута. ЦСК МО подавал очередной угловой.

«Подача! Удар головой в упор! Маслаченко парирует! Добивание! Защитник выносит мяч с ленточки пустых ворот!»

Иван уронил голову на руки. Смотреть на часы он больше не мог.

Тетя Зина, заглянувшая на кухню за солью, так и застыла в дверях с пустой солонкой. Илья Борисович перестал хихикать и вытянул шею к репродуктору. Даже кран над раковиной, казалось, перестал капать.

«Судья смотрит на секундомер... И финальный свисток! Труднейшая, героическая победа „Локомотива“! Они отстояли единственный мяч, забитый на шестой минуте! „Локомотив“ выходит в финал Кубка СССР!»

Иван медленно поднял голову и с громким щелчком захлопнул крышку часов. В повисшей тишине этот звук прозвучал как точка в длинном предложении.

Майор тяжело опустился на табурет. Лицо его пошло пятнами. Он достал из кармана кителя платок и долго промокал лоб.

Иван встал. В его взгляде не было превосходства. Только уважение к силе, которую они смогли переломить.

— Хорошая была рубка, Петр Николаевич. Ваши давили так, что кости трещали. Уважаю.

Майор поднял на него глаза, вздохнул и вытянулся по стойке «смирно».

— Молодцы, путейцы. Сдюжили. Перетерпели нас в окопах. Снимаю шляпу перед вашей упертостью, Токарев. Кровью вы этот финал вырвали, заслужили. Завтра вечером с меня бутылка «Столичной». Обмоем по-мужски.

Иван кивнул и повернулся к Илье Борисовичу, который суетливо прятал глаза.

— Ну что, сосед? Готовь свои спартаковские кружева. Через неделю, двадцать шестого октября, мы всей дорогой идем за вами в Лужники. И запомни: мы заберем этот Кубок на Казанский вокзал.

Он пошел по коридору в свою комнату. Там, в деревянной кроватке, безмятежно спал маленький Лешка. Мальчишка не ведал, что отцовские часы уже начали отсчет до главного матча целого поколения. До финала, где рабочая кость сой-

дётся со столичной элитой, оставалось семь дней.

Глава 6. Билет в Лужники

Октябрь 1957 года. Москва.

Золотая осень сдавала позиции. Вторая половина октября выдалась ветреной и промозглой. Низкое свинцовое небо поливало столицу косыми ледяными дождями. Мокрые листья кленов ложились скользким ковром на трамвайные рельсы, брусчатку и шпалы сортировочных горок. Город кутался в драповые пальто и прятал озябшие руки в карманы.

Но несмотря на погоду, Москва кипела. Все разговоры в душных трамваях, в очередях, в заводских курилках и на коммунальных кухнях сводились к одной дате.

Двадцать шестое октября. Финал Кубка СССР.

Сходились два мира, две футбольные философии, два полюса огромной страны.

С одной стороны — блистательный, всенародно любимый «Спартак». Команда интеллигенции и торговой кооперации, людей, умеющих красиво жить даже в суровые послевоенные годы. В его составе играли кумиры миллионов, игроки сборной: элегантный Никита Симонян, интеллигентный капитан Игорь Нетто, виртуозный Сергей Сальников. Они раскатывали соперников многоходовыми комбинациями и считались безоговорочными фаворитами.

С другой — московский «Локомотив». Дерзкие выскочки с рабочих окраин, команда депо, путейцев и стрелочников.

В чемпионате они неожиданно для всех держались в верхней части таблицы, а в Кубке превратились в гладиаторов. Кружев не плели. Брала самоотдачей, выжженными легкими и содранными коленями. Ворошилов, Бубукин, Маслаченко были для работяг братьями, их единственным шансом утереть нос столичной элите.

Арену выбрали под стать событию: Центральный стадион имени Ленина в Лужниках. Бетонная чаша в излучине Москвы-реки, построенная всего год назад, вмещала больше ста тысяч человек. Современный Колизей.

За неделю до финала Москва заболела билетной лихорадкой.

Фраза «нет ли лишнего билетика» стала самым популярным приветствием. Люди ночами дежурили у касс, жгли костры в бочках, писали номера очереди химическим карандашом на ладонях и устраивали переклички в три часа ночи. Доходило до драк. Но билетов в свободной продаже катастрофически не хватало. Сто тысяч мест — огромная цифра, но для заболевшей футболом многомиллионной Москвы это была капля в море.

Львиная доля квитков расходилась по кабинетам: министерствам, штабам, парткомам, дипкорпусу и, разумеется, Промкооперации. Простому рабочему достать билет на финал легально было почти невозможно. Спекулянты, рискуя свободой, просили за невзрачный кусочек бумаги столько, что на эти деньги можно было месяц кормить семью.

В депо Москва-Пассажирская-Казанская в эти дни воздух, казалось, искрил. Мужики работали зло и молча, набрасываясь на тяжелые детали.

В обеденный перерыв в прокуренной бытовке царило глухое уныние.

Степан, обычно шумный и жизнерадостный, сидел на своем ящике, опустив голову до колен. Обед на газете остался нетронутым. В его огромных, похожих на совковые лопаты руках тлела уже четвертая подряд папироса, и сизый дым медленно обволакивал его фигуру.

Иван, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене, молча смотрел на товарища. Ему все было понятно без слов.

— Ходил я в профком, мужики, — наконец глухо произнес Степан. Голос дрожал от сдерживаемой обиды. — К самому председателю. На поклон, мать его... Просил, требовал, ругался так, что штукатурка сыпалась.

— И что? — с надеждой подался вперед Сашка, вытирая руки ветошью. — Выделили нам квоту? Команда-то наша, заводская! Кому, если не нам, на трибунах сидеть?

Степан поднял воспаленные глаза.

— Выделили, Сашок. Как же, выделили, — Степан раздавил окурочку сапогом о бетонный пол. — Двадцать штук. На всё депо. На полторы тысячи человек, которые вкалывают как проклятые. И те на верхние ряды за воротами, откуда игроков не разглядеть, одни точки бегают.

В бытовке стало так тихо, что было слышно, как в углу капает вода из неплотно закрытого крана.

— А остальные где? — глухо спросил Михалыч, болевший за команду еще до войны.

— А сам не догадываешься? В управление дороги ушли. Начальникам, их женам, племянникам да нужным людям из министерства. Тем, кто тяжелее авторучки ничего в руках не держал. А мы, значит, лицом не вышли на центральной трибуне сидеть. Копотью пахнем, эстетику им испортим.

Иван глубоко вздохнул, достал часы и откинул крышку. Время шло к двадцать шестому октября, а они, самые преданные болельщики, оставались за бортом.

Это было несправедливо. Это было то самое расслоение, о победе над которым так пафосно вещали из каждого репродуктора. Оказалось, что даже в родной команде места на празднике распределялись не по мозолям на руках, а по толщине портфеля.

— Я спекулянтов на Комсомольской искал, — тихо признался Сашка, глядя в пол. — Думал, зарплату отдам, у отца займу. Нашел одного жучка. Так он, гнида, за центральный сектор столько просит, что мне полгода уголь кидать без выходных. Да и фальшивый может оказаться.

— Не будем мы у спекулянтов покупать, — твердо сказал Иван, пряча часы. — Унижаться перед ними не будем. Наши парни на поле будут биться не за тех, кто в галстуках в ложе сидит. Они за нас биться будут. Они знают, что мы у

радиоприемников каждый их вздох ловим. Даже если нас на стадион не пустят, сердцем мы все равно с ними.

Но на душе у Ивана скребли кошки. Он, прошедший войну и годы восстановления, чувствовал себя мальчишкой, у которого отобрали мечту.

Вечером дома его ждало еще одно испытание.

На общей кухне пахло жареным луком и кипящим бельем. У плиты, напевая мотивчик из оперетты, суетился Илья Борисович. Вместо привычных пельменей сегодня он жарил на дефицитном сливочном масле огромный кусок говяжьей вырезки. Запах хорошего мяса плыл по всему коридору, и в каждой комнате, наверное, сглатывали слюну.

Майор Петр Николаевич за своим столом демонстративно громко перелистывал газету, стараясь не смотреть на кулинарные изыски соседа.

Иван молча прошел к раковине смывать копоть.

— А, машинист Токарев! — Илья Борисович обернулся. Лицо его, лоснящееся от жира, светилось счастьем. — Как там ваши кочегары? Готовятся сливать финал? Тренируются получать полную авоську от Симоняна?

Иван сжал кусок мыла так, что побелели пальцы, но промолчал и продолжал до красноты оттирать шею ледяной водой. Он дал себе слово не поддаваться на провокации.

Товаровед выдержал театральную паузу, вытер руки о белоснежное полотенце и медленно достал из кармана брюк два узких кусочка плотной розовой бумаги с водяными

знаками и синей печатью.

Билеты на финал. Лужники. Трибуна А. Нижний ярус.

На кухне повисла тишина. Майор отложил газету и присвистнул. Иван выключил кран и медленно повернулся.

— Видал, Ваня? — Илья Борисович потряс билетами, как куском мяса перед голодным псом. — Центральная трибуна. Тринадцатый ряд. Каждую каплю пота на лице Нетто увижу, каждый финт Сальникова разгляжу. Промкооперация своих не бросает, связи у нас надежные. С супругой пойду, культурно отдохнем, на разгром ваших кочегаров посмотрим.

Иван смотрел на билеты и, казалось, чувствовал исходящий от них запах типографской краски и гудящего стадиона. Ключи от рая в руках человека, для которого футбол был модным развлечением и поводом выгулять новый костюм.

— А у тебя-то как с билетиками? — с притворным сочувствием спросил товаровед, пряча сокровище обратно. — Профком оббегал? Выдали вам места за воротами, где голуби гадят? Или по радио, как обычно?

Иван бросил полотенце на спинку стула и подошел к соседу вплотную. Илья Борисович инстинктивно отшатнулся и едва не опрокинул на себя сковородку. В серых глазах Ивана не было желания ударить. В них светилась холодная рабочая гордость, о которую можно было сломать нож.

— Футбол, Илья Борисович, он не в цветных билетах с печатями, — тихо и веско сказал Иван. — И не в мягких креслах. Футбол там, на поле, в грязи и в разбитых коленях. У

вас эти бумажки в кармане, а у нас команда. И когда Валька Бубукин будет бить по вашим воротам, он будет бить за тех, кто у станка стоит и уголь кидает. За тех, кто у репродуктора инфаркты получает. Мы, может, и не попадем в Лужники. Но Кубок все равно будет наш.

Он развернулся и, не оглядываясь, пошел к себе. Майор проводил его уважительным взглядом и громко хмыкнул:

— По-солдатски сказано. Смотри, Илья, как бы твои билетики после финального свистка горечью не отдавали. У путейцев характер — кремень, об него ваши кружева и порвутся.

Оставшиеся дни слились для Ивана в серый тоннель тяжелой работы, гудков и сосущей тоски. Надежда попасть на стадион умерла.

Двадцать пятое октября, канун матча.

Иван заканчивал двенадцатичасовую смену на сортировочной горке. Лил ледяной дождь, превращая угольную пыль под ногами в черную скользкую грязь. Промокший насквозь в брезентовой робе, он механически орудовал ломом, помогая сцепщикам формировать составы. Спина горела, руки отваливались, но он работал, пытаясь физической болью заглушить боль душевную.

Из пелены дождя вынырнул запыхавшийся мальчишка-рассыльный.

— Токарев! Дядя Ваня! Тебя начальник депо вызывает! Бегом велел!

Иван оперся на лом, тяжело дыша. Вызов к начальнику в конце смены ничего хорошего не сулил: туда звали либо за нарушения, либо сообщить об аварии. Он перебрал в голове последние рейсы — вроде все было гладко.

— Иду, — коротко бросил Иван, воткнул лом в насыпь и тяжелым усталым шагом пошел к кирпичному зданию управления, возвышавшемуся над путями.

Кабинет начальника депо Василия Петровича, старого железнодорожника с кустистыми бровями и жестким взглядом, встретил его теплом батарей и запахом хорошего табака, полироли и крепкого чая.

— Вызывали? — Иван стянул мокрую кепку, с которой на чистый паркет натекла грязная лужица, и остановился у порога, не решаясь пачкать ковровую дорожку.

Василий Петрович долго смотрел на него поверх очков. На уставшее лицо в глубоких морщинах, на огромные руки, черноту которых не брало никакое мыло.

— Проходи, Иван. Садись.

Голос звучал непривычно тихо, без командирского металла. Иван присел на краешек полированного стула, стараясь, чтобы не скрипнули пружины.

— Скажи мне, Токарев. У тебя ведь ни одного взыскания за десять лет. Ни одного срыва графика, ни одной аварии по твоей вине. В войну эшелоны под бомбежками таскал, орден имеешь. Работаете за двоих.

— Служу железной дороге, Василий Петрович. Как все.

Начальник вздохнул, открыл ящик стола и положил на зеленое сукно неприметный белый конверт.

— Был я сегодня в министерстве, на площади Коммуны. На ковре у заместителя министра стоял. Распекали нас за сбои в графике погрузки. А потом он, фронтовик тоже, между делом спрашивает: как, мол, ваши рабочие за команду болеют? Финал же завтра.

Иван затаил дыхание. Сердце сделало кульбит.

— Ну, я ему прямо и сказал, — усмехнулся Василий Петрович, и в глазах его блеснул хулиганский огонек. — Болеют страшно. Мужики в депо черные от горя ходят, потому что профсоюзные чинуши все билеты по кабинетам распределили, а тем, кто у топки стоит, шиш с маслом на галерке. Замминистра нахмурился, позвонил кому-то и обматерил так, что у меня уши покраснели.

Он протянул конверт.

— Держи, машинист. Лично от руководства министерства за безупречный труд. И от меня.

Иван протянул дрожащую, перепачканную углем руку и взял конверт. Он был почти невесомым, но сейчас казался тяжелее паровоза.

Он открыл клапан. Внутри, аккуратно сложенные, лежали четыре билета на завтрашний финал. Пальцы мелко задрожали.

Центральный стадион имени Ленина. Трибуна А. Нижний ярус. Двенадцатый ряд. Ровно по центру поля. На ряд ниже,

чем у спесивого товароведа.

— Василий Петрович... — голос Ивана сорвался.

— Бери своих лучших. Степана горластого, Михалыча-старика, Сашку-помощника возьми, пусть пацан настоящий футбол посмотрит. — Начальник строго глянул поверх очков. — И сорвите там глотки так, чтобы наши парни на поле вас слышали. Понял меня?

— Понял. Век не забуду. — Иван поднялся, прижимая конверт к груди. На глаза наворачивались горячие слезы, и он их не стеснялся.

Вечером дома он ничего не сказал Илье Борисовичу на кухне. Прошел в комнату и снял мокрую куртку. Маша сидела на стуле, тихо напевая колыбельную засыпающему Лешке.

Иван опустился на одно колено перед женой и сыном и молча положил на край стола четыре прямоугольника плотной бумаги.

Маша посмотрела на билеты, потом на светящееся лицо мужа. Улыбнулась своей теплой улыбкой и свободной рукой погладила его по седеющим волосам.

Иван достал часы и откинул крышку. Секундная стрелка ровно наматывала круги. Оставалось меньше суток. Завтра огромный котел Лужников закипит. Завтра они наденут лучшие костюмы, повяжут шарфы и поедут туда, где вершится история, и рабочая кость сойдется со столичной элитой на глазах у ста тысяч человек.

Он бережно подзавел механизм, слушая сопротивление

пружины. Бригада была готова. Команда тоже.

Глава 7. Красная полоса

26 октября 1957 года. Москва, Лужники.

День финала выдался суровым, словно природа решила дополнительно испытать нервы ста тысяч человек. С утра над Москвой висели низкие тяжелые тучи, сеялась ледяная морось, то и дело переходящая в снежную крупу. Сырой ветер с потемневшей реки заставлял прятать покрасневшие носы в шарфы.

Но людской реке, стекавшейся со всех концов столицы к Центральному стадиону имени Ленина, до погоды не было дела. Город жил предвкушением большой битвы. В трамваях, в метро, в очередях к пивным ларькам с утра говорили только об одном: устоят ли железнодорожники, или «Спартак» по привычке разделает их под орех.

Иван шел в плотной толпе вместе со своей бригадой. На нем было вычищенное щеткой и отглаженное Машей через влажную марлю драповое пальто, под ним единственный выходной суконный пиджак, на шее в два тугих оборота колючий шерстяной шарф. Рядом, тяжело, по-медвежьи ступая начищенными до блеска яловыми сапогами, шагал Степан. Лицо у него покраснело то ли от ветра, то ли от волнения, пудовые кулаки были сжаты в карманах широких штанов. Чуть позади семенил Михалыч, то и дело поправляя съезжающую на ухо серую кепку, а молодой Сашка вертел головой во все

стороны, ошарашенный масштабом.

Дорога от «Спортивной» превратилась в медленно текущее людское море. Пахло мокрой шерстью, дешевым табаком, гуталином и тем пьянящим мужским адреналином, который ни с чем не спутаешь. Вдоль широких аллей гарцевала конная милиция. Лошади нервно всхрапывали, выпуская из ноздрей густые облака пара, а всадники в шинелях строгими окриками направляли поток в нужное русло. В толпе то и дело возникали юркие личности в надвинутых на глаза кепках и хриплым шепотом предлагали лишний билетик за деньги, немыслимые для простого рабочего.

Когда они вышли на главную аллею, ведущую к арене, Сашка запрокинул голову и протяжно присвистнул:

— Вот это махина, дядь Вань... Прямо Колизей из учебника истории! Конца и края не видно!

Лужники подавляли своим имперским величием. Круглая серая чаша, увенчанная высокими рядами осветительных мачт, возвышалась над рекой, как неприступная крепость. Вокруг гудело и колыхалось людское море. Сто тысяч счастливых, сумевших правдами и неправдами, через блат, профкомы, высокие кабинеты и уличных спекулянтов, достать заветный картонный пропуск.

Миновав кордоны милиции, показав билеты хмурым контролерам и протиснувшись сквозь узкие железные турникеты, бригада поднялась по широким гулким ступеням и вышла в чашу.

У Ивана, прошедшего войну и не робкого десятка, на мгновение перехватило дыхание.

Изумрудное поле, несмотря на позднюю осень и дождь, выглядело идеальным прямоугольником. Вокруг уходили в серое небо гигантские трибуны, забитые людьми так, что не было видно ни сантиметра дерева. Над стадионом гудел низкий рокот десятков тысяч голосов, словно внутри огромной перегруженной трансформаторной будки.

— Трибуна А, центральный сектор, двенадцатый ряд, — хрипло скомандовал Степан, сжимая картонки, как величайшую драгоценность. — Нам вниз, мужики. Потеснитесь, граждане!

Они спустились по центральному проходу, извиняясь и протискиваясь между коленями, и нашли свои места. Поле лежало как на ладони: мокрый газон, белая центральная линия, оба штрафных прямоугольника. Казалось, протяни руку — и дотронешься до травы.

Иван смахнул рукавом капли дождя с жесткой деревянной скамьи, сел и почувствовал, как предательски дрожат колени. Сектор разительно отличался от тех мест за воротами, где обычно ютились заводские. Здесь сидели солидные мужчины в велюровых шляпах, военные в серых папах и генеральских шинелях, партийные работники с разодетыми супругами. Четверо мужиков с обветренными лицами, в простых пальто и кепках, вызвали у соседей по ряду заметное недоумение. Дама в каракулевой шубке демонстративно по-

добрала полы, когда Степан протискивался мимо.

Сзади, прямо над ухом, раздался знакомый надменный кашель. Иван обернулся.

На тринадцатом ряду, ровно за его спиной, возвышаясь на полголовы, восседал Илья Борисович собственной персоной. Заграничное пальто из мягчайшей шерсти, пушистая пыжиковая шапка. Рядом, кутаясь в пуховый оренбургский платок, сидела его дородная раскрасневшаяся супруга Раиса. В руках товаровед держал блестящий китайский термос и как раз наливал себе в металлическую чашечку дымящегося чая с явным добавлением хорошего коньяка.

Увидев Ивана, он поперхнулся и вытаращил глаза так, что они едва не выкатились на мясистые, выбритые до синевы щеки.

— Токарев?! — воскликнул он, забыв о манерах и расплескав чай на драгоценное пальто. — Ты-то как здесь оказался, машинист?! Вы же по спекулянтам бегали! Да еще на ряд ниже меня уселись! Это же правительственная трибуна, сюда по профсоюзным путевкам не пускают! Контролеры, небось, перепутали!

Иван не стал злорадствовать. Он спокойно посмотрел на соседа снизу вверх и ответил так, чтобы слышали все вокруг:

— Железная дорога, Илья Борисович, везде пути проложит. Надо будет — и до правительственной трибуны экспресс доедет. Так что занимайте места согласно купленным билетам. Сегодня мы ваши кружева расплетать будем.

Степан угрожающе хрустнул кулаками и одарил товароведа таким тяжелым взглядом, что Илья Борисович поспешно фыркнул, отвернулся, сделал вид, что очень занят протиранием своей чашки, и поправил съехавшую на лоб шапку.

Из хриплых репродукторов над стадионом грянул торжественный марш, и чаша взорвалась таким ревом, что, казалось, задрожал многотонный бетон. Из темного зева подтрибунного тоннеля на поле выбежали команды.

Первыми, под овации подавляющей части трибун, появились спартаковцы. Красные футболки с белой горизонтальной полосой, на ней знаменитый ромб с буквой «С». Симонян, Исаев, Сальников, капитан Нетто — цвет советского футбола, костяк сборной. Они ступали на газон с уверенностью патрициев, пришедших забрать свой трофей, перекидывались шутками и легко жонглировали мячом. По трибунам ходил слух, что несколько спартаковцев слегли с гриппом, но по их виду этого нельзя было сказать.

Следом, под более сдержанный, но плотный, низкий и злой гул заводских секторов, вышел «Локомотив».

Форма железнодорожников отличалась одной принципиальной деталью. Те же красные рубахи, но белая полоса шла через грудь вертикально. Прямая железная дорога, уходящая за горизонт.

Иван подался вперед и впился взглядом в капитана — Виктора Ворошилова. Коренастый, крепко сбитый, как дубовый пенёк, с непроницаемым лицом фронтовика, он вывел

своих парней так, как командир выводит роту из окопов в последнюю штыковую. За ним пружинисто бежал двужильный Валька Бубукин, высокий сухопарый Маслаченко, жесткие, не знающие жалости ни к себе, ни к сопернику защитники Евгений Рогов и Иван Климанов. Никакого столично-го лоска, никаких улыбок для публики. В их глазах читалась только тяжелая мужская работа, которую нужно сделать во что бы то ни стало.

Ровно в пятнадцать ноль-ноль прозвучал свисток главного арбитра Николая Латышева. Сто тысяч человек выдохнули, подняв в небо облако пара. Финал начался.

С первых секунд «Спартак» по-хозяйски взял тяжелый мокрый мяч под контроль и неспешно, с чувством собственного превосходства начал плести в центре поля свои знаменитые комбинации. Нетто, подняв голову, раздавал передачи на фланги в одно-два касания, Сальников запутывал защитников фирменными финтами, Симонян искал свободные зоны в штрафной. Они легко и технично демонстрировали ста тысячам зрителей свой класс.

— Ох, закружат они нас, закружат до смерти, — побледнел Михалыч, комкая в замерзших руках намокшую программку. — У наших и мяча-то нет. Бегают без мяча, силы тратят попусту. Загоняют их балерины.

— Пусть кружат! — рывкнул Степан, не отрывая глаз от поля. — Пусть танцуют свои вальсы, пока ноги целы! Главное — к штрафной не подпускать! Пусть в центре катают!

И «Локомотив» не подпускал. Переигрывать «Спартак» в технике на таком мокром поле было бы самоубийством. Железнодорожники противопоставили кружевам стену из собственных тел.

Каждое касание мяча спартаковцем встречалось жестким, кость в кость, подкатом. Из-под шипов летели комья земли и брызги воды. Бубукин носился челноком, как механизм с бесконечной пружиной, не давая Нетто ни секунды на раздумье. Ворошилов хриплым голосом выстраивал защитников в две линии.

На пятнадцатой минуте Симонян после хитрого паса пяткой от Сальникова проскочил мимо двух поскользнувшихся защитников и с носка пробил в нижний угол.

Стадион ахнул. Но длинный Маслаченко, вытянувшись в струну параллельно земле, кончиками пальцев перевел скользкий мяч на угловой.

Илья Борисович сзади страдальчески простонал и схватился за сердце. Иван, не оборачиваясь, сунул замерзшую руку за пазуху, достал часы и щелкнул крышкой. Тик-так. Тик-так. Время тянулось мучительно медленно. Выдержать такой прессинг девяносто минут не смогла бы ни одна команда в мире. Команде Бориса Аркадьева нужен был воздух. Хотя бы один шанс огрызнуться и показать зубы.

Девятнадцатая минута.

Очередная многоходовая атака «Спартака», казавшаяся бесконечной, захлебнулась на подступах к штрафной. Рогов,

не церемонясь и не думая о красоте, с размаху выбил мяч подальше от своих ворот. Спартаковские защитники, увлекшиеся осадой, на мгновение расслабились, ожидая, что мяч спокойно подберут их полузащитники.

Мяч приземлился в центральном круге. Ворошилов в одно касание отдал вперед на Соколова, и тот, не раздумывая, пробил по воротам с ходу. Удар вышел не самым точным, мяч пошел к дальней штанге, туда, где Игорь Нетто уже выставил ногу, чтобы вынести его на угловой.

Но первым у штанги оказался Бубукин. Он опередил капитана «Спартака» на какой-то сантиметр и подправил мяч в сетку мимо растерявшегося Ивакина.

На долю секунды стотысячный стадион погрузился в ватную тишину. Никто на центральных трибунах не мог поверить в то, что произошло.

А затем чаша Лужников взорвалась.

Звуковая волна ударила в бетонные козырьки верхних ярусов и отразилась обратно на поле. Степан с медвежьим ревом подхватил Сашку на руки и закружил, как пушинку. Михалыч плакал навзрыд, не стесняясь генералов, размазывая слезы вместе с дождевой водой по морщинистым щекам.

Иван стоял в полный рост на узкой скамейке, воздев руки к серому небу, и по лицу его текли горячие слезы. Внизу, в штрафной «Спартака», образовалась обезумевшая куча-мала из измазанных грязью красных футболок с вертикальной полосой. Рабочие парни с окраин обнимали своего

героя, своего брата, простого, щербатого, неутомимого Вальку Бубукина, который лежал на траве, скрытый под телами товарищей.

Иван медленно, стараясь унять дрожь в руках, опустил взгляд на часы, которые чудом не выронил. Тонкая вороненая стрелка отсекала девятнадцатую минуту.

Он обернулся. На тринадцатом ряду, бледный как стирное полотно, обмяк на сиденье Илья Борисович. Пыжиковая шапка съехала набок, обнажив лысину, рот был приоткрыт. Термос валялся у его ног, разливая по бетону чай с коньяком.

— Что, сосед?! — проревел Иван сквозь гул стадиона, и в его сорванном голосе звенела долгожданная месть за годы насмешек на коммунальной кухне. — Расплелись ваши кружева?! Железная дорога едет!

Это был только первый тайм. Впереди было больше семидесяти минут адского напряжения, глухой обороны против раненого, разъяренного «Спартака», который теперь бросит на ворота Маслаченко все свои силы.

Но Иван, стоя под серым, сеющим ледяную морось октябрьским небом, среди бушующего моря людей, уже знал: этот день, эту девятнадцатую минуту и этот гол он запомнит до конца своих дней. И в мельчайших подробностях расскажет о них маленькому Лешке, когда тот подрастет.

Он закрыл серебряную крышку с паровозом и спрятал часы в карман пальто, поближе к колотящемуся сердцу.

Глава 8. Хрусталь и сталь

26 октября 1957 года. Москва, Лужники.

Пятнадцать минут перерыва пролетели для ста тысяч продрогших зрителей как одно судорожное, рваное мгновение. Ледяной дождь, поливавший столицу с самого утра, не прекратился, а только усилился и встал над стадионом серой стеной. Небо над Лужниками потемнело окончательно, слилось в одну свинцовую массу, и на высоких мачтах с гудением зажглись юпитеры. В их резком, безжизненном свете косые струи казались длинными серебряными иглами, которые с остервенением вонзались в раскисший, превратившийся в болото газон.

Иван принципиально не садился на вымокшую скамью двенадцатого ряда. Он стоял, нахохлившись, как птица на морозе, втянув голову в поднятый жесткий воротник тяжелого, напивавшегося водой пальто, и не отрываясь смотрел на пустую, изрытую шипами половину поля «Спартака».

Где-то в недрах трибун, в душных раздевалках, пахнущих потом, согревающей мазью и сырой шерстью, сейчас решалась судьба Кубка. Иван ясно, в мельчайших подробностях представлял, как Борис Андреевич Аркадьев ходит по тесному помещению перед сидящими прямо на полу, тяжело дышащими железнодорожниками и тихим, пробирающим до печенок голосом вбивает в их головы одну мысль: пер-

вый тайм был прелюдией. Самое тяжелое начнется сейчас. «Спартак» выйдет убивать. Выйдет рвать их на куски за то, что они посмели унижить элиту советского футбола.

Сзади, с тринадцатого ряда, доносилось раздраженное сопение. Пропущенный гол и пролитый на брюки чай с коньяком безнадежно испортили Илье Борисовичу праздник, и теперь он громко, не стесняясь соседей, отчитывал жмущуюся в пуховый платок супругу:

— Потерпи, Раечка, не ной, — цедил он сквозь золотые зубы, плотнее запахивая полы намокающего пальто. — Это случайность, глупое недоразумение. Дуракам везет раз в сто лет. Выстрелила палка раз в году. Сейчас наши выйдут из раздевалки злые как черти и камня на камне от этих кочегаров не оставят. Симонян им штуки три отгрузит для верности, чтобы знали свое место. Класс не пропьешь, Раечка. Класс всегда бьет дворовую беготню.

Иван стиснул челюсти так, что под кожей перекатились желваки, но оборачиваться не стал. Он опустил руку в карман, нащупал ледяной металл часов и приготовился к пытке временем.

Латышев вышел в центр поля, оглядел выстроившиеся команды, сверился с секундомером и дал свисток на второй тайм. Замерзший, промокший до нитки стадион снова загудел низким, тяжелым рокотом.

«Спартак» действительно вышел уничтожать. Знаменитая команда, уязвленная до глубины чемпионской души тем, что

безродные работяги с окраин смеют вести в правительственном матче года, мгновенно отбросила академичные кружева. Они забыли про красивую игру на публику и включили сумасшедшие скорости. Невозмутимый обычно Нетто, с перекосенным от злости лицом, погнал нападающих вперед, втапывая измученную оборону «Локомотива» в холодную грязь.

Началась осада, какой Лужники еще не видели.

Спартакowцы накатывались на штрафную бесконечными, тяжелыми, удушающими волнами, не давая сопернику ни секунды передышки. Атаковали обоими флангами, продираясь сквозь частокол ног, перли напролом через центр, пытаясь продавить защиту массой, били издали при малейшей возможности, зная, что мокрый, напитавшийся водой мяч после отскока ускоряется, как ядро, пущенное по льду.

Молодой Володя Маслаченко в этот вечер на глазах у ста тысяч человек творил невозможное. Он летал из угла в угол, вытягиваясь параллельно грязной земле, и мертвой хваткой забирал тяжеленные скользкие мячи, будто они были намазаны клеем.

Защитники в промокших красных рубахах с вертикальной полосой перестали быть футболистами, выполняющими тренерскую установку. Они превратились в живой, истекающий потом и кровью щит. Рогов и Климанов, два центральных столпа обороны, бесстрашно стелились в подкатах прямо по лужам, вырывая мяч из-под ног спартакowских вирту-

озов вместе с кусками дерна. Когда мяч летел на уровне головы, они шли на него, не раздумывая, не боясь ни выставленных шипов, ни сотрясения. Лица их покрылись коркой черной лужниковской грязи, сквозь которую, как у загнанных волков, блестели только белки глаз да стиснутые зубы.

— Держитесь, родные! Держитесь, мальчики, Христом богом молю! — глухо стонал Степан, сжимая кулаки так, что лопалась заглубевшая кожа на костяшках и проступала кровь.

Михалыч закрыл лицо дрожащими руками в старческих пятнах, не в силах смотреть на это избиение. Он ритмично раскачивался на жесткой скамье и беззвучно шевелил губами, бормоча обрывки забытых с детства молитв.

На шестьдесят шестой минуте «Локомотив», огрызнувшись редкой контратакой, заработал пенальти. Трибуны вскочили. К мячу подошел Ворошилов. Удар у капитана был такой, что, казалось, порвет сетку вместе с вратарем. Ивакин угадал угол и отбил.

— Эх, Витя! — простонал Степан и рухнул на скамью. — Два-ноль же было бы!

Сзади Илья Борисович ожил и радостно захлопал:

— Видали?! Бог правду видит!

Промах подстегнул «Спартак» сильнее любого тренерского крика. Время на стадионе загустело, как кисель. Маленькая юркая секундная стрелка в кармане Ивана превратилась в изощренное орудие пытки. Каждая минута штурма каза-

лась болельщикам часом.

Семидесятая минута. Восьмидесятая. «Спартак» давил всей своей массой, всем накопленным чемпионским авторитетом, всей нерастраченной злобой. У измотанных железнодорожников сводило икры. Бубукин, автор единственного гола, давно перестал быть нападающим. Он носился по своей половине раскисшего поля, отбирал мячи, падал лицом в холодную грязь, тяжело вставал, опираясь на руки, и снова бежал. Его знаменитая добрая щербатая улыбка превратилась в страшный оскал человека, работающего за пределами своих возможностей, на одном инстинкте.

Илья Борисович сзади бился в истерике. Он то и дело вскакивал, размахивал пухлыми короткими руками, проклинал слепого судью Латышева, Симоняна за упущенные моменты, бесконечный осенний дождь, путейцев и весь белый свет. Его пыжиковая шапка давно лежала на затоптанном мокром бетоне, но он не замечал этой потери.

— Да забивайте же вы им наконец! — визжал он, срываясь на бабий фальцет и брызгая слюной. — Что вы возитесь с этой деревенщиной?! Давите их, они же еле ноги волочат!

На восемьдесят шестой минуте огромный стадион замер, словно из него разом выкачали воздух.

Сальников на носовом платке накрутил на левом фланге уставшего до полусмерти защитника, поднял голову и мягко, резаным навесом отправил мяч в центр вратарской. Там, отклеившийся от опекунов, совершенно свободный, набегал

Анатолий Исаев. До ворот метров семь, не больше.

Маслаченко был отыгран и лежал в противоположном углу, пытаясь подняться из грязи. Исаев с лета пробил в пустой угол.

Иван перестал дышать и зажмурился до рези в глазах. Все. Конец сказке. Сытая реальность и высокий класс взяли свое и расставили все по привычным местам. Сейчас раздастся рев, а в дополнительное время обескровленный, выжатый досуха «Локомотив» просто сомнут и раскатают в блин.

Но сквозь шум дождя донесся тяжелый глухой звук удара мяча о человеческое тело.

Иван открыл глаза.

На самой линии пустых ворот, раскинув руки крестом, лежал Женя Рогов. Он непостижимым образом успел метнуться с фланга наперерез, бросил себя в грязь и принял пушечный удар Исаева на широкую грудь. С последней ленточки.

Стадион взревел так, что мелкой дрожью задрожали металлические конструкции осветительных мачт.

Иван заорал во всю мощь легких и сорвал голос окончательно, до хрипоты, до вкуса крови во рту и лающего кашля. Об этого парня на линии ворот, о его упрямство и характер сейчас, на глазах у ста тысяч свидетелей, разбивались вдребезги самые изящные спартаковские кружева.

Последние минуты превратились в хаос. «Спартак» всей командой пошел на финальный штурм, оставив сзади одного Ивакина. Мокрый мяч метался по штрафной «Локомоти-

ва», как ядро, сорвавшееся с креплений в трюме тонущего корабля. Еще один удар Симонян нанес почти в упор, и Маслаченко забрал мяч в последнем, отчаянном броске.

Железнодорожники больше не пытались играть в пас и выходить в контратаки. Они просто ложились в ледяную грязь, строили баррикады из собственных тел, отбивались ногами, спинами, затылками, бросались под каждый замах.

Латышев посмотрел на промокший хронометр и медленно поднес черный металлический свисток к обветренным губам.

В эту секунду Ворошилов, железный капитан «Локомотива», из последних сил, преодолевая пульсирующую боль в разбитом колене, выпрыгнул в центре переполненной штрафной выше двух рослых спартаковцев и мощным ударом головы вынес мяч далеко на пустую половину поля «Спартак».

И вместе с долгим полетом этого мяча над темной чашей Лужников раздался пронзительный тройной свисток, самый долгожданный в жизни машиниста Ивана Токарева.

Матч был окончен.

Несколько секунд огромный бетонный Колизей молчал, осознавая масштаб случившегося. А потом небо над Москвой разорвалось от крика. Безоговорочный фаворит, элита советского футбола, был повержен рабочей командой путейцев.

Иван стоял на узкой скамейке, и слезы текли по его об-

ветренному лицу вместе с грязной дождевой водой. Внизу взрослые мужики в красных футболках, измазанные грязью с ног до головы так, что не было видно номеров, замертво падали на истоптанную траву. Они не могли сделать больше ни шагу. Обнимались, лежа в лужах, плакали, как дети, истерически смеялись, в исступлении колотили сбитыми кулаками по воде, поднимая брызги. Высоченный Маслаченко уткнулся перепачканным лицом в землю у штанги ворот, которые отстоял.

Громадный Степан рыдал в голос, как младенец, медвежьей хваткой обнимая щуплого Михалыча, который беззвучно крестился. Сашка, как заведенный кузнечик, подпрыгивал на месте и залихватски свистел в два пальца на весь центральный сектор.

Иван глубоко выдохнул и медленно обернулся.

Илья Борисович сидел, безвольно опустив руки. Его заграничное пальто было забрызгано грязью от вскочивших соседей снизу. Одутловатое лицо пошло багровыми пятнами, в глазах стояли слезы бессильной злобы. Он смотрел на поле стеклянным взглядом и беззвучно шевелил губами, как выброшенная на берег рыба.

Иван не сказал ему ни слова. В этом не было смысла. Огромные цифры на табло, один-ноль, говорили громче любых речей и кухонных споров. Рабочая кость с хрустом переломила столичный хрусталь.

В центре испорченного поля рабочие спешно сколачивали

дощатый помост и застилали его ковровой дорожкой. Диктор торжественным голосом объявил о начале церемонии награждения обладателей Кубка СССР тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года.

Иван неторопливо достал из внутреннего кармана часы и мягко щелкнул тугой крышкой. Время было безжалостно к проигравшим и бесконечно прекрасно для победителей. Он смотрел на белый эмалевый циферблат с бегущей стрелкой и широко улыбался.

Ворошилов, заметно прихрамывая, опираясь на плечи товарищей, поднялся по хлипким ступеням. Из рук спортивного чиновника в строгом костюме он бережно, как святыню, принял огромный хрустальный Кубок с серебряной крышкой. Трофей, ради которого эти парни прошли через тошнотворные тренировки, унижительные поражения в чемпионате и кровавые кубковые битвы.

Ворошилов поднял Кубок над измазанной грязью головой.

И в этот момент тучи над Лужниками расступились, пропустив один-единственный луч холодного октябрьского солнца. Он прошел пелену дождя, ударил в центр стадиона и отразился в гранях хрусталя слепящей вспышкой.

Стадион взревел в последний, самый оглушительный раз. Игроки, забыв про усталость и боль в ногах, подхватили хромого капитана на руки и понесли его по кругу почета перед ревущими трибунами. Хрустальная чаша, сияющая в лучах

солнца и прожекторов, плыла над изуродованным газоном, как символ победы воли над любыми обстоятельствами.

Иван смотрел на нее, и грудь ему распирала гордость до слез. Завтра утром, несмотря на бессонную ночь, он придет в депо, встанет к раскаленной топке и будет работать так, как никогда раньше. Потому что сегодня одиннадцать грязных парней доказали ему и всей стране: если у тебя есть характер, если ты готов терпеть боль и бьешься за своих товарищей, а не за квартиры и пустую славу, — непреодолимых преград не существует.

Стотысячная толпа медленно, неохотно, словно не желая просыпаться от прекрасного сна, потянулась к выходам. Бригада шла плечом к плечу по залитой лужами аллее, растворившись в горячем, счастливом потоке сорвавших голос людей. Незнакомые мужики обнимались, кто-то затянул «Широка страна моя родная», кто-то пустил по кругу бутылку. Дождь сменился мелкой водяной пылью. В быстро остывающем воздухе пахло палой листвой, папиросным дымом и победой.

Степан размашисто хлопал Ивана по плечу и восторженно хрипел:

— Видал, Ванька?! Ты это видал своими глазами?! Как Женька Рогов мяч с ленточки пузом вынес, а?! Ему за один этот бросок памятник на площади Казанского вокзала ставить надо! Из чугуна отлить, чтобы все поколения помнили!

Иван только кивал, тепло щурясь от желтого света фона-

рей. В левом внутреннем кармане, под слоем промокшего драпа, спокойно и уверенно тикали часы с летящим паровозом. Тик-так. Тик-так. Ровный, идеальный ход.

Он шел по вечерней, отражающей огни Москве и думал о маленьком Лешке, который сейчас безмятежно спал в деревянной кроватке в их продуваемой сквозняками комнате на Бауманской. Пройдет немного времени, мальчишка подрастет, ноги окрепнут, и Иван первым делом приведет его за руку на этот огромный стадион. Посадит на плечи, покажет поле и расскажет все: про летающего Маслаченко, про Рогова на линии ворот, про хромого, но непобежденного Ворошилова и про гол Вальки Бубукина у дальней штанги.

Эту страсть, эту неизлечимую болезнь он передаст сыну. С сегодняшнего дня она навсегда прописалась в семье Токаревых.

Глава 9. Уходящий дым

Начало шестидесятых. Москва.

Шестидесятые ворвались в жизнь страны с космической скоростью. Это было время светлых надежд и осязаемых свершений. Из открытых окон новостроек неслись передачи о покорителях космоса, а газетный портрет улыбающегося Гагарина вырезали и вешали в каждой квартире рядом с семейными фотографиями.

Москва на глазах одного поколения меняла облик. На месте пустырей, яблоневых садов и покосившихся бараков вырастали кварталы одинаковых пятиэтажек. Люди целыми заводами съезжали из душных коммуналок с их вечными войнами за место у плиты и получали ключи от собственных, пусть крошечных, квартир. Страна дышала полной грудью и верила в силу разума и технического прогресса.

Но для старшего машиниста Ивана Токарева этот прогресс отдавал горьким привкусом прощания.

Промозглым осенним утром шестьдесят третьего Иван стоял на засыпанной шлаком насыпи дальних запасных путей депо. Ему было за сорок. Русые волосы на висках окончательно поседели, морщины вокруг серых глаз прорезались еще резче, словно их высекли зубилом.

Он стоял, засунув руки в карманы потертой кожанки, и смотрел, как умирает его эпоха.

На ржавом пути, окруженная снопами голубоватых искр, стояла она. «Лебедянка». Паровоз серии «Л», на котором Иван отработал свои самые трудные и счастливые годы. Бригада молодых газорезчиков, покуривая в толстые рукавицы, деловито резала почерневшее тело локомотива на металлолом для мартенов.

Автоген с шипением вгрызался в клепаную сталь котла, резал медные трубы, золотники и тяги. Для ребят с резаками это была скучная утренняя смена. Для Ивана это было похоже на публичную казнь старого боевого товарища.

Он знал в этой машине каждую заклепку и каждую масленку. Чувствовал ее настроение по звуку пара из трубы и по едва уловимой вибрации поршней на подъеме. Паровоз был для него живым. Он дышал, требовал пищи, капризничал на крутых уклонах, если уголь был сырой, и с благодарностью откликался на умелые руки машиниста. В нем была душа из открытого пламени, кипящей воды и человеческого пота.

На смену ему приходили тепловозы и электровозы. Гладкие угловатые коробки на моторных тележках, опутанные проводами и набитые реле. Иван давно прошел переподготовку и уверенно водил чехословацкие ЧС2. В их светлых кабинах с панорамными стеклами не было ни угольной пыли, ни адской жары, ни оглушающего грохота котла. Помощнику больше не нужно было махать лопатой до кровавых мозолей. Там пахло озоном, новой резиной и нагретым пластиком пультов. Управлять ими можно было, сидя в мягком

кресле, одним поворотом рукоятки контроллера, хоть в белой праздничной рубашке.

Иван ненавидел эту стерильную тишину. В новых машинах не было сердца, только расчет силы тока на тяговых двигателях. Ушла та мужская романтика, когда ты один на один, на пределе сил вытягиваешь многотонный состав на перевал. Дорога становилась чище, быстрее и экономичнее, но теряла душу.

— Прощаешься со своей ласточкой? — раздался сзади знакомый прокуренный бас Степана.

— Прощаюсь, Стёп. — Иван не обернулся. — Режут по живому. Могли бы на постамент поставить у вокзала, для памяти. А они ее на иголки.

— Время такое, Ванька. В космос летаем, атом расщепляем. Прогресс не остановишь.

— Души в этих электровозах нет. Тишина одна, больничная. Как в гробу едешь.

— Зато чисто, и план перевыполняем. Мои орлы тоже деревянные шпалы на бетонные меняют, бесстыковые пути по ночам варят. Старое уходит, новое приходит.

— Старое уходит... — Иван наконец повернулся. — Это не только паровозов касается, Стёпа. Ты в таблицу давно заглядывал?

Степан помрачнел и сплюнул на шлак.

— Заглядывал. Лучше бы не смотрел. Вылетаем мы, Вань. Во вторую группу. Камнем на дно.

— Поколение наше ушло. Витя Ворошилов закончил. Володька Маслаченко в «Спартак» за медалями ушел. В пятьдесят девятом серебро брали, всю страну на уши ставили, а теперь вон что.

— Мы с мужиками из профкома на базу на прошлой неделе ездили. Хотели игрокам в глаза посмотреть. Не пустили! Говорят, у спортсменов депрессия после поражений, нельзя тревожить. Тьфу! Мы после двух смен у топки ни в какую депрессию не впадали!

— Им не ноги лечить, им души пересаживать надо. Характер ушел вместе с поколением пятидесятых. Осталась беготня да прически.

— И что теперь? По провинциям пылить будем, с командами из райцентров играть. Соседи твои бывшие по коммуналке животики надорвут.

— Что делать? То же, что и всегда. Болеть. Ходить на стадион. Каждое воскресенье, как на работу.

— Да на что там смотреть? Как нас все возят лицом в грязь? Я абонемент на следующий год брать не буду. Сил нет на позорище смотреть. Буду дома хоккей смотреть, там наши хоть канадцев быют.

— Даже не думай. — Иван шагнул к нему вплотную, и в серых глазах вспыхнул опасный огонь. — Если ты сейчас, когда им хуже всего, от них отвернешься, грош тебе цена как мужику. Любить команду, когда она Кубки в Лужниках берет, любой дурак сможет. А ты попробуй любить ее, когда

она десять матчей подряд проигрывает без единого гола.

— Да сердце кровью обливается, Вань!

— А ты терпи. Раз ты эту форму хоть раз с гордостью носил, стой с ними до конца. На самых пустых, холодных трибунах. Рви глотку за них во второй группе. Это наша семья, Степан. А от семьи, когда она болеет, не отказываются. Понял?

— Понял, Вань. Твоя правда. Бес попутал от обиды. Будем ходить. Будем терпеть.

Гудок маневрового тепловоза, высокий, бьющий по ушам и лишенный всякой паровозной мелодичности, прервал их разговор. Пора было возвращаться к новым машинам.

Вечером Иван возвращался домой. Коммуналка на Бауманской давно осталась в прошлом. Два года назад, за двадцать лет безупречной работы, ему дали двухкомнатную квартиру в кирпичной пятиэтажке в Измайлово, недалеко от парка. Они с Машей навсегда оставили позади чужие примусы, утренние очереди в уборную и подколки Ильи Борисовича. Теперь у них была своя кухня с белым кафелем, газовая колонка и горячая вода из крана.

Желтые листья падали на мокрый асфальт в свете новеньких фонарей. Иван подошел к подъезду и остановился.

На утоптанном пятачке перед домом, заменявшем детворе футбольное поле, кипела баталия. Десяток мальчишек лет семи-восьми, перепачканных грязью с головы до ног, гоняли настоящий кожаный мяч со шнуровкой — страшный дефи-

цит и предмет зависти всех соседних дворов.

Среди них выделялся худенький русоволосый мальчишка. Поверх вытянутого шерстяного свитера на нем была выцветшая, безразмерная красная футболка с белой вертикальной полосой, доходившая почти до колен.

Лешка. Алексей Иванович Токарев. Этой осенью ему исполнилось семь лет.

Иван прислонился к стволу старого тополя. Лешка не был ни самым высоким, ни самым сильным во дворе. Но в нем горела та самая неукротимая страсть, которую Иван так безуспешно искал в нынешних игроках своей тонущей команды.

Мяч отскочил от импровизированной штанги прямо в глубокую лужу с ледяной водой и черной грязью. Мальчишка постарше, игравший в защите, побрезговал лезть туда в новых ботинках и на секунду притормозил. Лешка с разбегу бросился в лужу рыбкой, подняв фонтан брызг. Выцарапал мяч, вскочил, перемазанный жижей, с ободранной до крови коленкой, прокинул мимо опешившего защитника и изо всех сил ударил по воротам из двух кирпичей.

Гол.

Двор взорвался спорящими и празднующими криками. Лешка стоял посреди лужи, вытирая грязным рукавом пот со лба, и глаза его горели счастьем победителя.

У Ивана перехватило горло. Он видел в этом семилетнем пацане тот самый дух, который когда-то принес им Кубок в

Лужниках. Видел в его броске Женю Рогова на линии ворот. Видел в его упрямстве Вальку Бубукина.

Лешка заметил отца и со всех ног бросился к нему, размахивая грязными руками.

— Пап! Ты видел?! Видел, как я ему между ног прокинул и забил! Прямо как Стрельцов!

— Видел, сынок. Хороший гол. Только настоящие локомотивщики играют не как Стрельцов. Они играют как Ворошилов. Не финтят пятками ради публики, а идут напролом до конца.

— Пап, а мы пойдем в воскресенье на стадион? Дядя Степан вчера во дворе говорил, что наши опять всухую проиграли и вылетают куда-то далеко. Он плохими словами ругался. Мы больше не будем за них болеть?

Иван достал часы и поднес их к уху сына.

— Послушай, как стучат.

— Тикают. Ровно.

— Вот так же ровно должно биться сердце настоящего болельщика. Запомни на всю жизнь: команды не могут всегда выигрывать. Игроки стареют и уходят. Бывают тяжелые времена, как сейчас, когда команда больна и падает на дно.

— И все над ней смеются?

— Да, смеются и тычут пальцем. Но именно в такие времена команде больше всего нужны те, кто останется с ней на трибуне. Преданность проверяется умением терпеть поражения. Мы с тобой Токаревы. Мы путейцы. Мы пойдем в

воскресенье на стадион, будем сидеть под дождем на пустых трибунах, будем злиться на их ошибки, но никуда от них не уйдем. Потому что это наш клуб. Понял, сын?

— Понял, пап. Мы их никогда не бросим. Я вырасту, сам за них играть пойду и всех спартаковцев обыграю!

Иван рассмеялся, впервые за этот тяжелый день. Подхватил сына на руки, не обращая внимания на грязь, усадил на свои широкие плечи и зашагал к освещенному подъезду.

Над Москвой собирались новые осенние тучи. Эпоха дымных грохочущих паровозов, эпоха его молодости и выстраданных кубковых побед уходила в историю, оставляя после себя запах дыма да черно-белые фотографии в семейных альбомах. Наступало чистое, прагматичное время электричества. Команда падала в пропасть, чтобы пройти через долгие годы забвения и насмешек.

Но давящего отчаяния, мучившего Ивана утром у распиленной «Лебедянки», больше не было. Он нес на плечах того, кто однажды увидит возрождение. Того, кто пронесет эту страсть через годы лихолетья и сам однажды перекрасит трибуны в новые, красно-зеленые цвета.

Глава 10. Эстафета

Октябрь 1969 года. Москва.

Конец шестидесятых накрыл разрастающуюся столицу холодным сизым туманом затяжной осени. Город неузнаваемо менялся, обрастал типовым бетоном многоэтажек, лесами телевизионных антенн на плоских крышах и шумными потоками угловатых автомобилей. Люди облачались в шуршащие импортные болоньевые плащи, слушали хриплые записи Высоцкого на громоздких катушечных «Кометах» и до глубокой ночи спорили на тесных кухнях новых хрущевок о физиках и лириках. Человек уже сделал первый шаг по пыльной Луне, серебристые лайнеры резали стратосферу, а страна, победившая во всех войнах, жила в расслабляющем предчувствии долгой сытой стабильности, которую историки позже назовут застоем.

Молодежь, не знавшая карточек и воя сирен, тянулась к западной моде. Подростки мечтали о джинсах, слушали «Битлз» на рентгеновских снимках, которые называли «музыкой на костях», и отращивали челки, доводя до белого каления учителей и комсомольских вожаков.

Лешке Токареву, сыну потомственного машиниста, этой осенью исполнялось тринадцать. Колючий, болезненный, противоречивый возраст, когда уже отчаянно не хочется быть ребенком, но еще непонятно, как быть взрослым. Ко-

гда мнение уличной компании и школьных товарищей становится в тысячу раз важнее правильных, но скучных родительских наставлений. Когда хочется быть как все, слиться с толпой победителей, стоять на освещенном пьедестале и ловить восхищенные взгляды девчонок из параллельного класса.

Именно этой возможности Лешка был лишен. Из-за своего красно-белого сердца.

Быть болельщиком «Локомотива» в конце шестидесятых означало подписать себе приговор к ежедневным социальным пыткам. Кубковая команда пятьдесят седьмого и серебряная пятьдесят девятого остались лишь пожелтевшими вырезками в отцовском альбоме. То поколение ушло на покой, а пришедшие ему на смену вызывали у конкурентов снисходительные усмешки или злую жалость.

«Локомотив» превратился в безнадежную команду-лифт. Он мучительно, скрипя проржавевшими шестеренками, вылетал из высшей лиги, год-два барахтался в болоте первой, играя на пыльных стадионах провинциальных промышленных городов, чудом возвращался в элиту и через сезон снова с треском и позором падал на дно таблицы, собирая полные авоськи пропущенных мячей. Не было ни стабильного состава, ни узнаваемой игры, ни высоких покровителей в министерских кабинетах, способных решить вопрос звонком сверху. Не было ничего, кроме славного и стремительно забывающегося прошлого.

Каждый понедельник в школе номер двести сорок шесть Лешка проходил через один и тот же ритуал. На большой перемене, в гулком коридоре, пахнущем мастикой и хлоркой, собиралась толпа мальчишек. Футбол в те годы был религией, и каждый пацан во дворе обязан был иметь клубную принадлежность.

Генка, долговязый сын инженера с ЗИЛа, вальяжно прислонялся к подоконнику и с видом победителя рассуждал о передачах пяткой Эдуарда Стрельцова и пушечных ударах Валентина Иванова. «Торпедо» было в моде: играло красиво, дерзко, по-хулигански привлекательно.

Борька, упитанный отличник из обеспеченной семьи торговых работников, с видом академика вещал о кружевных многоходовках «Спартак», о Хусаинове и элегантном Осянине. «Спартак» оставался символом столичного шика и народной любви и собирал полные стадионы.

Даже тихий, неприметный Колька с задней парты мог выпятить грудь и с гордостью рассказывать о Льве Яшине, черной пантере «Динамо».

Только Лешка стоял в стороне, плотно сжав губы, опустив голову и до побелевших костяшек стиснув кулаки в карманах потертых вельветовых брюк. Ему нечем было крыть их козыри. Ему некого было противопоставить этим общепризнанным звездам.

— Ну что, путеец? — издевательски тянул Генка. — Как ваши на выходных сыграли? Опять «Кайрату» слили? Я в

«Советском спорте» читал, вы на последнем месте корни пустили. Переходи к нам, пока не поздно. У нас хоть медали есть, а не ржавые рельсы.

Мальчишки дружно, жестоко гоготали и тыкали в Лешку пальцами. Подростковая стая не прощает слабости.

— Заткнись, — исподлобья цедил Лешка, чувствуя, как к горлу подступает горячий ком стыда. — Сами вы неудачники. У нас еще будет нормальная команда.

— Ага, когда паровозы летать научатся, — подхватывал Борька, поправляя очки. — Твой «Локомотив» — команда для вокзальных пенсионеров. Нормальные пацаны за такое позорище не болеют. Ты как прокаженный.

Эти слова били хлестче любой пощечины. Лешка стискивал зубы так, что они скрипели, разворачивался и быстро, стараясь не сорваться на бег, уходил в пустой класс, глотая злые соленые слезы. Он ненавидел понедельники. Втайне, до дрожи в руках, ненавидел бессилие своей команды, которое делало его белой вороной среди ровесников. Он смертельно устал быть объектом дешевых насмешек и снисходительного сочувствия. В тринадцать лет этот груз казался невыносимым.

В пасмурное, ветреное воскресенье им с отцом снова предстояло ехать на домашний матч.

Ивану Токареву в шестьдесят девятом перевалило за пятьдесят, и он сильно сдал. Тяжелая многолетняя работа в паровозной будке, копоть, ночные смены и военные эшелоны

взяли свою дань. Человек, способный когда-то в одиночку повернуть неподатливую задвижку, осунулся и сгорбился, а широкие каменные плечи поникли и спрятались в воротник того же не знающего сносу драпового пальто. Густая жесткая шевелюра стала белой, как свежий снег на рельсах. Он давно не стоял у топки и не водил чешские электровозы: медкомиссия забраковала его по зрению и сердцу. Иван дорабатывал до пенсии инструктором в депо и, сменив кабину на учебный класс, нудным голосом объяснял наглым курсантам устройство пневматических тормозов системы Матросова.

Рядом с ним на трибуне больше не было прежней шумной бригады. Никто не хлопал его по спине пудовой ладонью при забитом голе. Степана два года назад свалил обширный инсульт, приковав бывшего силача к постели. Рассудительный Михалыч тихо ушел во сне прошлой суровой зимой, не дожив до весны. Сашка выучился, пошел на повышение в управление дороги, обзавелся солидным животиком и «Волгой» и предпочитал смотреть футбол по цветному «Рубину» в теплой квартире. Иван ходил на стадион почти один. Его единственным спутником, крестом и надеждой оставался сын.

Они ехали в полупустом гудящем вагоне метро. За окном мелькали черные тоннели с редкими тусклыми лампами. Иван сидел на дерматиновом диване, тяжело, с хрипом дыша, положив узловатые руки в пигментных пятнах на колени, и то и дело заходиллся сухим лающим кашлем. Профес-

сиональная болезнь паровозников, заработанная от угольной пыли и раскаленного пара. Лешка отвернулся и мрачно смотрел исподлобья на свое нечеткое отражение в темном стекле. Между ними стояла вязкая стена отчуждения, которую строит только возраст.

Они вышли на «Преображенской площади» и молча, не проронив ни слова, пошли сквозь сырой промозглый вечер к стадиону в Черкизове, построенному несколько лет назад на месте их старого деревянного «Сталинца».

Новый стадион «Локомотив» на тридцать тысяч зрителей с бетонными козырьками и удобными раздевалками должен был стать символом возрождения. Но в этот тоскливый вечер он напоминал заброшенный саркофаг.

Очередей у касс не было. Контролерша в синем ватнике надорвала билеты, даже не взглянув на лица.

Когда они вышли в чашу, Лешка поежился, и дело было не в ветре.

Здесь не было ни побед, ни стотысячного рева Лужников. Продуваемый всеми московскими сквозняками стадион зиял плечами пустых бетонных трибун. Тридцать тысяч мест, и едва ли пара тысяч зрителей, размазанных тонким сиротливым слоем по нижним рядам. Самые упрямые жались друг к другу, пытаясь согреться чужим дыханием, щелкали жареные семечки и сплевывали шелуху под ноги, курили «Памир», кутались в газеты и глухо, беззлобно, скорее по привычке, материли происходящее на поле.

А на поле шло унылое, тягучее, лишенное всякой искры зрелище. «Локомотив», команда рабочих окраин, когда-то заставлявшая дрожать столичную элиту, безвольно доигрывал очередной провальный сезон.

На пятнадцатом ряду центрального сектора, постелив на мокрое сиденье свежий «Гудок», сидели отец и сын. Лешка засунул покрасневшие руки в карманы тонкой нейлоновой курточки и шмыгал носом. Он с тоской смотрел на круглые стадионные часы «Стрела» над противоположной трибуной. До конца матча оставалось пятнадцать минут.

Гости из далекого южного города, которых в былые времена «Локомотив» раскатал бы одной левой, с издевательской ленцой перекачивали мяч поперек поля, удерживая устраивающую их ничью.

Игроки «Локомотива» в выцветших, полинявших от частых стирок красных футболках даже не пытались прессинговать или идти в жесткий отбор. Бегали трусцой, обозначая борьбу. Они давно смирились со своей участью, не хотели рвать жилы и получать травмы на скользком осеннем газоне и, как отбывающие повинность каторжане, ждали свистка, чтобы уйти в теплую раздевалку, принять горячий душ и забыть этот вечер, как дурной сон.

— Холодно, пап, — сказал вдруг Лешка, не поворачивая головы. Голос, начавший в этом году ломаться, дал петуха. — Пальцы ног совсем не чувствую. И дождь собирается, вон тучи какие черные ползут со стороны Сокольников. Пойдем

домой, а? Чего мы тут высиживаем? Ничего уже не изменится. Они даже бегать не хотят. Пешком ходят, как калеки.

Иван медленно, будто просыпаясь от тяжелого сна, повернул к нему бледное, изрезанное морщинами лицо, снова закашлялся в кулак. В его выцветших серых глазах не было злости на мальчишескую слабость. Только глубокая, как деревенский колодец, усталость много повидавшего человека.

— Терпи, Алексей, — ответил он тихо и ровно, но с такой твердостью, что Лешка поежился. — Матч играют девяносто минут. Ни минутой меньше. И мы сидим все девяносто, от звонка до звонка, какая бы погода ни была и как бы они ни играли. Мы Токаревы. Мы путейцы. Мы привыкли доделывать работу до конца.

— Да на что тут смотреть?! — Лешка вдруг взорвался, как перегретый котел, выдернул руки из карманов и махнул ими в сторону поля. Вся копившаяся обида, все унижения в школьных коридорах прорвались наружу. — На то, как над нами все издеваются?! У нас в классе все надо мной смеются! Генка за «Торпедо», они Кубки берут! Борька за «Спартак», они чемпионы, их весь мир знает! А мы кто?! Пятое колесо в телеге! Зачем мы сюда таскаемся в такую холодину? Чтобы на это позорище смотреть? Чтобы мне завтра ребятам в глаза стыдно было смотреть?!

Иван не повысил голоса, не одернул сына и не стал осаживать его строгим родительским тоном. Он понимал каждое слово, и каждое било его по сердцу, как плеть. Быть бо-

лельщиком слабой, никому не нужной команды в тринадцать лет, когда тебе жизненно необходимо гордиться своими цветами перед жестокими сверстниками, было настоящей пыткой. Это был возраст стаи, а Лешка в этой стае был чужим по праву рождения.

— За чемпиона болеть ума не надо, сынок, — тяжело произнес Иван, словно вбивая костыли в шпалы. — Быть рядом с тем, кто на белом коне, — самое легкое дело на свете. Прилипал к чужой славе всегда много. Сегодня «Спартак» выигрывает — они за «Спартак» кричат, завтра «Динамо» чемпион — шарфы переоденут. А ты попробуй остаться рядом, когда все рушится. Когда команда на дне и над тобой смеются соседи и одноклассники. Вот в этом и есть мужская сила. Она в верности измеряется. В умении держать удар.

— Какая верность? Кому?! — Лешка пнул бетонную ступеньку так, что откололся кусок цемента. — Они сами себе не верны! Посмотри на них! Пешком ходят, как в парке Горького! Им на нас наплевать! Они зарплату получают и в ресторан пойдут, а мы тут мерзнем!

— Этим игрокам, может, и наплевать. Сытые стали, тепличные, — спокойно согласился Иван, глядя на трусливые перепасовки защитников. — Но нам с тобой не должно быть наплевать. Мы болеем не за этих одиннадцать человек, которые сегодня эту форму надели, а завтра за лишнюю трешку в другой клуб сбегут. Мы болеем за имя. За букву «Л» на груди. За тех мужиков, которые в пятьдесят седьмом в Луж-

никах газон зубами рвали. За дядю Степана, который тут голос срывал. За Казанское депо. За тех, кто под бомбами эшелоны водил. Игроки пройдут, как талая вода в песок, через год их фамилий никто не вспомнит. А имя останется. И мы должны его сохранить.

Сухой, равнодушный свисток эхом отскочил от пустых трибун. Нулевая ничья, которая никого не обрадовала.

Редкие промерзшие зрители, чертыхаясь сквозь зубы и поднимая воротники, потянулись к выходам, торопясь на последние автобусы и в теплое светлое метро. Игроки обеих команд, не поднимая глаз на трибуны, чтобы поблагодарить тех, кто пришел, мелкой стыдливой рысцой скрылись в подтрибунном тоннеле.

Стадион быстро пустел и погружался в сизые сумерки и холодную звенящую тишину. По периметру козырька с треском зажглись тусклые желтые дежурные фонари, выхватывая из темноты косые полосы начавшейся мороси.

Иван не спешил вставать. Он сидел неподвижно, как каменное изваяние, и смотрел на пустой, изрытый бутсами газон, над которым поднимался легкий пар.

Лешка нервно переминался в проходе, поеживаясь от ветра, забиравшегося под куртку.

— Пап, ну пошли. Темнеет совсем, сыро, — позвал он, вдруг почувствовав в долгом молчании отца странную, пугающую торжественность. Ему стало не по себе от этого пустого стадиона.

Иван медленно, будто это требовало огромных усилий, расстегнул непослушными замерзшими пальцами костяные пуговицы пальто и залез в самый глубокий внутренний карман старого суконного пиджака.

Его огромная рука в шрамах и вьевшейся копоти легла на колено и раскрылась. На ладони, тускло поблескивая в свете фонаря, лежали массивные серебряные часы на витой цепочке. Крышка с летящим паровозом была отполирована до зеркального блеска годами прикосновений.

Лешка замер и перестал дышать. Он знал эти часы столько, сколько помнил себя. Помнил, как отец давал ему, совсем крохе, послушать их мерное успокаивающее тиканье перед сном в старой комнате в коммуналке. Знал, что отец достает их только в самые важные, решающие моменты матчей, словно сверяя с их ходом бег самой истории. Для Ивана они давно стали частью его самого, его путевой души.

— Возьми, — просто сказал Иван.

Лешка сглотнул подступивший к горлу комок. Робко, боясь сделать неверное движение, он протянул тонкие пальцы, испачканные синими школьными чернилами, и бережно, как хрустальную вазу, снял часы с отцовской ладони. Металл хранил живое тепло отцовского тела.

— Нажми на кнопку сбоку, — тихо скомандовал старый машинист.

Мальчик нажал большим пальцем на тугую рифленую головку. Крышка с глухим благородным щелчком откинулась

на пружине и открыла белый эмалевый циферблат с черными арабскими цифрами и тонкими воронеными стрелками.

Тик-так. Тик-так. Тик-так. Мерный, уверенный ритм. Как стук колес тяжелого состава на стыках. Как биение неутомимого железного сердца.

— Они никогда не останавливались, пап, — прошептал Лешка, не отрывая глаз от бегущей стрелки.

— Я купил их весной пятьдесят четвертого, Лешка, — голос Ивана звучал глухо и устало и смешивался с шумом дождя и завыванием ветра в пустых металлических конструкциях. — У старого часовщика. Отдал половину машинистской зарплаты, копил полгода. Они отсчитывали минуты в коридоре больницы, когда ты рождался. Отсчитывали секунды в Лужниках, когда Валька Бубукин забил «Спартаку», а мы плакали на трибуне от счастья. В этом металле вся наша история. И победы, и вот такие поражения, как сегодня. Все здесь.

Иван тяжело оперся о мокрые колени и, кряхтя, поднялся на затекшие ноги. Он подошел к сыну и положил тяжелую ладонь на его хрупкое, дрожащее под нейлоновой курткой плечо.

— Мое время на этих трибунах уходит, сынок. Я старею. Сердце барахлит, дыхалки нет. Мне уже тяжело терпеть этот ледяной ветер, этот холод и эту пустоту вокруг. А твое время только начинается. Тебе долго ехать. Я передаю их тебе.

Лешка вскинул голову и поднял на отца испуганные, ши-

роко раскрытые глаза.

— Пап... Да ты что... Я же потеряю их где-нибудь. Мальчишки в школе отберут. Они же сумасшедших денег стоят. Это же память...

— Не потеряешь, если поймешь, сколько они стоят. — Иван посмотрел сыну прямо в глаза, передавая через этот взгляд всю тяжесть и гордость их путейского рода. — Ты спрашивал, зачем мы сюда ходим. Мы ходим, чтобы этот стук не прервался. Чтобы, когда команда поднимется с колен, на трибунах был кто-то, кто помнит, как все начиналось. Кто не сбежал к победителям в тяжелую минуту.

Он медленно, непослушными пальцами застегнул промокшее пальто на все пуговицы, прячась от ветра.

— Придет день, Алексей, и здесь все изменится. Вырастет новое поколение. Вы будете другими. Не будете, как старики, щелкать семечки под козырьком. Вы заставите этот стадион реветь так, что у соседей стекла задрожат. Сошьете свои флаги, свяжете свои шарфы. И в тот день ты достанешь эти часы, посмотришь на циферблат и скажешь себе: отец был прав. Мы дотерпели.

Лешка изо всех своих мальчишеских сил, до побелевших костяшек, сжал гладкий серебряный корпус в кулаке. Он чувствовал, как легкая вибрация старого механизма проникает под кожу и сливается с его собственным учащенным пульсом.

Глупые обиды на одноклассников, весь стыд перед сверст-

никами из-за проигрышей вдруг показались ему мелкими, пыльными и не стоящими внимания. Впервые в жизни он почувствовал себя не мальчишкой, которого строгий отец по выходным водит на футбол, а хранителем.

— Я сберегу их, пап. Обещаю, — сказал он неожиданно твердым, переставшим ломаться голосом. Аккуратно закрыл крышку и положил часы во внутренний карман куртки, поближе к сердцу, как всегда делал отец. — Я дотерплю. Чего бы это ни стоило.

— Вот и молодец, — Иван впервые за весь этот промозглый вечер тепло улыбнулся, и морщины у его воспаленных глаз разгладились. — Пойдем домой. Мать, поди, картошки с мясом нажарила.

Они развернулись и плечом к плечу неспешно пошли вверх по широким ступеням опустевшего, погрузившегося в темноту и холод стадиона. Две одинокие фигуры в свете тусклых фонарей. Сутулый, совсем седой машинист, отдавший железной дороге здоровье и жизнь. И тонкий угловатый подросток, в кармане которого ровно и уверенно отстукивало время их семьи.

Впереди были трудные, долгие семидесятые. Годы безвременья, когда «Локомотив» будет падать все ниже, станет героем обидных анекдотов по всей Москве, а трибуны будут сиять голым бетоном, потому что от слабой команды отвернутся почти все.

Но под пеплом неудач и людского равнодушия уже тлели

угли. Придет время, и этот мерзнувший на ветру мальчишка с часами в кармане раздует из них пожар. Поведет за собой на трибуны тысячи дерзких парней с рабочих окраин и впишет в историю огромной страны новые, красно-зеленые цвета.

Но это будет потом. А пока старый черный паровоз, с шипением выпустив последний пар, остановился у конечного перрона своей эпохи. Где-то далеко впереди, разрезая ночную темноту прожекторами, уже набирал скорость новый экспресс.

Часть II. Пятое колесо

Глава 1. Первая лига, первая кровь

1970–1971 годы. Москва и просторы СССР.

Вылет «Локомотива» из высшей группы по итогам провального шестьдесят девятого стал для столичной прессы скучной рутинной, а для болельщиков клуба — катастрофой. Пока армейцы и динамовцы готовились к золотому матчу семидесятого года в Ташкенте, железнодорожники паковали чемоданы. Их ждала долгая, физически тяжелая и унижительная ссылка в низший дивизион.

Первая лига союзного чемпионата была закрытым, жестоким миром, который не прощал слабости, пижонства и столичного высокомерия. Мясорубка, методично перемалывавшая кости, хрящи и амбиции. Здесь не было ровных, бархатных газонов, на которых можно плести изящные кружева, не было прямых трансляций на всю страну, ярких прожекторов и снисходительных улыбок спортивных чиновников в ложах. Был только черновой мужицкий труд на износ.

География пугала. Чтобы вернуться в элиту, «Локомотиву» предстояло неделями мотаться на дребезжащих Ан-24 и сутками трястись в поездах, пропахших углем и жареной курицей. Караганда и Ашхабад, Душанбе и Фрунзе, Иваново

и Ярославль, Кемерово и Вильнюс. Двадцать две команды, играющие в атлетичный, порой откровенно грубый футбол. Столичные финты здесь вязли в грязи провинциальных стадионов, а исход матча чаще всего решал тот, кто кого перебегает и перебьет по ногам.

Сезон семидесятого под руководством Виктора Марьенко обернулся горьким разочарованием. Команда, от которой болельщики и начальство министерства ждали мгновенного и легкого возвращения, забуксовала в провинциальной грязи. Четвертое, самое обидное, непроходное место в итоговой таблице. Вперед ушли львовские «Карпаты», алма-атинский «Кайрат» и днепропетровский «Днепр». Высшая лига равнодушно помахала рукой и оставила железнодорожников глотать пыль во втором эшелоне еще как минимум на год.

Для четырнадцатилетнего Лешки Токарева этот серый год стал переломным. Детские иллюзии вдребезги разбились о безжалостную геометрию турнирной таблицы. Он больше не был тем наивным мальчишкой, который верил в спортивные сказки со счастливым концом.

Он стремительно вытянулся, похудел, оброс юношеской угловатостью и превратился в колючего подростка, готового вспыхнуть в любую секунду. Знал наизусть футбольную статистику всей страны, тратил карманные копейки на еженедельник «Футбол-Хоккей» и с аккуратностью хирурга вырезал из «Советского спорта» скупые, набранные мелким шрифтом заметки о выездных матчах своей опальной коман-

ды. Он клеивал их силикатным клеем в толстую пухлую общую тетрадь в дерматиновой обложке, создавая собственную летопись «Локомотива».

В гулких коридорах школы номер двести сорок шесть он перестал молчать и прятать глаза. Когда фанаты «Спартак», «Динамо» или «Торпедо» начинали на больших переменах свои ядовитые издевки, Лешка зло и аргументированно огрызался. Сыпал цифрами турнирных раскладов, фамилиями игроков дубля и историческими фактами, как пулеметными очередями, и защищал свои цвета до хрипоты. Иногда это заканчивалось разбитым в кровь носом за холодными школьными гаражами.

— Вы на себя сначала посмотрите, чемпионы липовые! — кричал Лешка, вытирая грязным рукавом школьного пиджака кровь из носа после стычки с рослым плечистым спартаковцем из девятого «Б». — Ваш «Спартак» в Кубке чемпионов швейцарскому «Базелю» слил! На всю Европу опозорились, смотреть тошно было! А мы в первой лиге очищаемся от шлака! У нас Толя Козлов в каждом туре забивает так, что вашим Осянину с Хусаиновым и не снилось!

Анатолий Козлов, мощный, физически одаренный таранный нападающий, стал в те смутные годы главным кумиром черкизовских трибун и личным героем Лешки. Пока центральная пресса брезгливо отправляла клуб на задворки газетных полос, Козлов матч за матчем, с упорством отбойного молотка, вколачивал тяжелые мячи в сетки соперников по

первой лиге и дарил крохи надежды кучке замерзающих на секторах болельщиков.

Настоящая надежда вспыхнула в семьдесят первом.

Еще поздней осенью семидесятого в команде тихо сменилась власть: Виктора Марьенко на тренерском мостике тонущего корабля сменил новый человек. Когда Лешка впервые прочитал короткую сухую заметку о новом тренере на последней полосе ведомственного «Гудка», он, забыв надеть шапку, сломя голову побежал по снегу в депо к отцу, размахивая помятой газетой над головой.

Иван Токарев, седой сгорбленный инструктор, сидел в тесной прокуренной каптерке и жесткой щеткой отмывал руки едкой пастой от въевшегося в поры мазута.

Он удивленно взял протянутую запыхавшимся сыном газету, надел очки с толстыми плюсовыми стеклами, пробежал заметку, и изрезанное морщинами лицо озарилось светлой, давно забытой улыбкой, какой Лешка не видел уже долгие годы.

— Женя Рогов, — тихо, с благоговением произнес старый машинист, поглаживая газетный лист огрубевшим пальцем. — Евгений Александрович Рогов. Дождались, слава тебе господи.

— А кто это, пап? Я его не помню на поле. Он хороший тренер? Где он раньше работал? — засыпал его вопросами Лешка, пытаясь отдышаться.

Иван тяжело поднялся с табуретки, тщательно вытер руки

куском ветоши и по-мужски положил тяжелую горячую ладонь сыну на узкое плечо.

— Это наша живая история, Лешка. Плоть от плоти «Локомотива». Мужик из стали. Помнишь, я рассказывал про финал пятьдесят седьмого? Про Лужники, как нас весь второй тайм втапывали в осеннюю грязь, а мы стояли насмерть и выстояли?

Лешка быстро кивнул. Эту историю он знал наизусть до мельчайших подробностей, она была главным семейным преданием Токаревых.

— Так вот, слушай и запоминай. На восемьдесят шестой минуте Исаев бил по нашим пустым воротам. В упор, с семи метров, наверняка. Маслаченко лежал в другом углу, отыгранный. И знаешь, кто успел броситься наперерез и грудью отбил мяч с ленточки? Центральный защитник Женя Рогов. Наш Женька. Двужильный человек, который за букву «Л» на груди готов был умереть прямо там, в грязи. Теперь он вернулся, чтобы взять команду за шкуру и вытащить нас всех из этого болота. С ним, Алексей, не пропадем. Я в него верю, как в себя.

Приход Рогова встряхнул закисшую, привыкшую к поражениям команду, как разряд тока. Тренер, на собственном теле знавший, что такое железнодорожный характер, начал безжалостно чистить состав. Он железной рукой избавлялся от случайных попутчиков и приспособленцев, приехавших отбывать номер за хорошую ведомственную зарплату и мос-

ковскую прописку, и делал ставку на проверенных, голодных до побед бойцов: прыгучего вратаря Вячеслава Полякова, жесткого, порой свирепого защитника Владимира Басалаева, опытного хитрого Рудольфа Атамаяна и, конечно, забивного Анатолия Козлова.

Сезон семьдесят первого превратился для болельщиков в бесконечный валидольный триллер. Главным соперником за путевку стал «Днепр», щедро финансируемый всей оборонной промышленностью, которого тренировал молодой, амбициозный, жесткий и прогрессивный Валерий Лобановский. Уже тогда, в первой лиге, он начинал применять свои знаменитые математические расчеты нагрузок, сводившие игроков с ума, и тотальный прессинг.

Это было столкновение двух философий. Выверенный научный футбол Лобановского против прямолинейного пролетарского характера Рогова.

Лешка не пропускал ни одного домашнего матча, даже если с неба лил проливной дождь или сыпал мокрый снег. Стадион в Черкизове по-прежнему зиял тоскливыми пустотами трибун, собирая в лучшем случае три-пять тысяч самых преданных: свободных от смены работников депо и старых чиновников МПС. Но атмосфера на привычном пятнадцатом ряду центрального сектора начала неуловимо меняться.

Лешка больше не сидел один. Вокруг него, как опилки к магниту, начали собираться такие же одержимые подростки и молодые парни из рабочих кварталов. Их было немного,

человек пятнадцать-двадцать, но они уже резко выделялись на фоне молчаливых мужиков в серых плащах и шляпах.

Они приходили с самодельными деревянными трещотками, которые мастерили на уроках труда. Первыми вскакивали и начинали ритмично хлопать в замерзшие ладоши, пытаясь раскачать спящий стадион. Знали всех игроков дубля по именам. Пили сладкий чай из одного китайского термоса, передавая крышку по кругу, и до хрипоты обсуждали тактические просчеты Рогова в вестибюле «Преображенской площади».

Это был зародыш того, что через десяток лет назовут организованным фанатским движением. Пока у них не было ни шарфов, ни отрепетированных речевок, ни знамен. Была только общая злость на сытых московских конкурентов и слепая любовь к клубу, барахтающемуся в первой лиге.

Конец октября семьдесят первого выдался в Москве отворачивательным, холодным и слякотным. Решалась судьба путевки в элиту. «Локомотив» принимал на вязком, испорченном непогодой поле крепкие куйбышевские «Крылья Советов». Очки нужны были как воздух: «Днепр» уже недостижимо уходил вперед, а в спину москвичам жарко дышал одесский «Черноморец», готовый воспользоваться любой ошибкой и оттеснить их со второго, спасительного места.

Лешка стоял на продуваемой трибуне, натянув колючую шапку до бровей, и сжимал в кармане куртки тяжелые отцовские часы. Рядом переминались его новые товарищи —

длинноволосый Петька из соседнего слесарного училища и коренастый Витька, уже работавший грузчиком на товарном дворе Казанского вокзала.

Матч шел тяжело, вязко, без моментов. Куйбышевцам ничья была за счастье, и они встали у своих ворот глухой многошелонированной стеной, отбиваясь всеми возможными способами. Поле окончательно раскисло под дождем, мяч застревал в лужах. Время утекало сквозь пальцы.

— Ну давай же, Толик, родненький, ударь ты уже по этим воротам! — в отчаянии кричал Лешка, срывая ломающийся голос. Он вытащил часы и щелкнул крышкой. Семьдесят пятая минута. По нулям. Потеря очков дома почти наверняка означала крах всех выстраданных надежд и еще один беспросветный год ссылки.

На семьдесят восьмой минуте «Локомотив» после затяжной атаки заработал угловой. Мяч, низко поданный в переполненную штрафную, заметался в частокколе грязных ног. Защитники «Крыльев» панически пытались вынести его подальше, но на подборе, прямо на линии штрафной, первым оказался шустрый полузащитник Валерий Диков. Он не стал бить сам, рискуя попасть в защитника, поднял голову и мягко, парашютом, набросил мяч на дальнюю штангу.

Туда, сминая корпусом двух висящих на нем опекунов, как танк, прорывающий линию обороны, ворвался Козлов. Выпрыгнул так высоко, что, казалось, на долю секунды завис над лужами, вытянулся в струну и мощным ударом головой

вколотил мокрый мяч под самую перекладину, не оставив вратарю ни единого шанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.